

Институт славяноведения и балканистики АН СССР

Первый симпозиум по балканскому языкознанию

Античная балканистика

/23-24 мая 1972 г./

Предварительные материалы

/Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации./

Москва - 1972 г.

Предисловие

Настоящий Симпозиум является первым в серии симпозиумов, организуемых в рамках постоянно работающего семинара по проблемам балканского языкознания /современного и античного/ и синхронной типологии балканских языков.

Предполагается устраивать регулярные симпозиумы-заседания семинара на базе Института славяноведения и балканистики АН СССР с участием как обоих языковедческих секторов Института, так и специалистов из других учреждений.

Желательность такого семинара определяется все возрастающим интересом к исследованиям в области балканистики. В балканистических исследованиях общего характера большая роль принадлежит лингвистическим работам. Учитывая эти особенности, следует предусмотреть разработку основных пунктов лингвистической проблематики Балкан при объединении усилий наших балканистов-лингвистов и в определенной мере представителей смежных специальностей, что могло бы осуществиться в рамках семинара.

Регулярные симпозиумы по тематике семинара предполагается созывать 2 раза в год. К каждому занятию семинара предполагается подготавливать на ротапринте предварительные материалы - подробные тезисы докладов и сообщений, аннотированную библиографию.

Основную проблематику семинара на ближайшие годы предполагается сосредоточить вокруг следующих вопросов:

а/. Методология и основные методы исследования при решении лингво-этнических проблем балканского региона,

б/. Проблемы происхождения современных языков Балкан в аспекте этногенеза /генезис южнославянских языков, румынского и т.д./,

в/. Лингво-этническая картина Балканского п-ова в до-славянский /в частности, в праславянский/ период по данным топонимии и античных и византийских авторов,

г/. Проблемы лингвистической географии Балкан и сопредельных районов к востоку от Балканского п-ова /Карпато-дунайский ареал и др./,

д/. Типология языков балканского языкового союза на разных уровнях /фонология, морфология, синтаксис, лексика, структура текста/,

е/. Синхронное описание отдельных фрагментов систем современных балканских языков и диалектов,

ж/. Основные черты древнего балканского языкового союза, в том числе - зачаточная поздняя балканизация как модель - источник сведений о зарождении черт балканского языкового союза,

з/. Проблемы балканской латини,

и/. Черты переходной зоны древнего балканского и.-е. ареала в связи с северным /балтийским/, северо-восточными /славянскими/ и юго-восточными /анатолийскими/ ареалами,

к/. Реконструкция реликтовых субстратных языков Балканского п-ова по данным: топонимии и гидронимии,

л/. Этапы славянизации Балканского п-ова.

На настоящий Симпозиум выносятся ряд докладов и сообщений по проблемам древней балканистики.

Всю переписку по делам семинара, заявки и тезисы докладов и сообщений и аннотированную библиографию по балканистике просим направлять по адресу:

Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30^а, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Бюро семинара по проблемам балканского языкознания.

Место фригийского среди индоевропейских языков

1. Судьба фригийского языка в истории индоевропейского языкознания своеобразна и парадоксальна. Тексты на фригийском почти не требуют работы дешифровщика; первая же прочитанная фригийская фраза делает индоевропейскую принадлежность этого языка совершенно очевидной. О его близости к фракийскому, армянскому и греческому есть авторитетные свидетельства лучших умов древнегреческого мира. Тем не менее, вопрос о месте фригийского среди индоевропейских языков до сих пор является спорным.

2. П.Кречмер и ряд других исследователей конца XIX - начала XX в. придерживались гипотезы об армяно-фригийском родстве, опираясь при этом на свидетельства Геродота и Эвдокса Книдского. Однако после работ Э.Хермана, Холгера Педерсена и других за последние полстолетия стало так же модно отрицать близость между армянским и фригийским, как раньше было модным из нее исходить. В настоящее время чаще всего считается, что фригийский, хотя безусловно и не является греческим диалектом, все же наиболее близко стоит к греческому.

3. Доводами в пользу относительно близкого родства фригийского с греческим являются, главным образом: предполагаемый *centum*-ный характер фригийского, сходство флексии /особенно именной, но ср. также аугмент в глаголе/, и заметное количество лексических изоглосс. Тот же *centum*-ный характер фригийского нередко приводится и в качестве доказательства того, что не существует единой фрако-фригийской ветви индоевропейских языков.

4. Доводами против армяно-фригийского родства обычно считаются: *satem*-ный характер армянского, его резкое отличие от фригийского в области флексии, особенно именной /ср., однако, аугмент в глаголе также и в армянском/, и незначительное количество

выявленных изоглосс с фригийским. Тем не менее, из всех индоевропейских языков наиболее близким к армянскому обычно признается греческий, а, стало быть, и фригийский. В последние годы армяно-фригийское родство оспаривается менее решительно, в частности, в связи с тем, что противопоставлению *centum: satem* стали придавать меньше значения. Характерна, например, эволюция В.Дресслера от решительного отрицания армяно-фригийского родства до его полупризнания.

5. Серьезным препятствием для решения вопроса о месте фригийского языка среди индоевропейских языков является отсутствие достоверного свода фригийского эпиграфического материала и материала фригийских изоглосс. Недавняя книга О.Хааза "Памятники фригийского языка" таким достоверным сводом не является, так как стоит на очень низком эпиграфическом и лингвистическом уровне и пестрит произвольными умозаключениями и прямыми ошибками. Поэтому эта и другие работы О.Хааза могут только ввести в заблуждение читателя, не проработавшего самостоятельно всего материала. Предшествовавшие же поколения исследователей фригийского пустили в оборот /главным образом, во вторичной научной литературе/ большое число ошибочных якобы фригийских глосс, в действительности частью добытых путем произвольного и ошибочного словоделения /большинство фригийских текстов написано без какого бы то ни было орфографического словоделения/, частью основанных на эпиграфических ошибках, а частью - являющихся результатом произвольного отнесения к фригийскому языку глосс из Гесихия и других лексикографов, которые в действительности ими не были отмечены как фригийские. /Помимо этого, О.Хааз повинен в произволе и противоположного характера: он исключает из числа фригийских такие глоссы, которые прямо обозначены в источнике как фригийские, но противоречат его концепции этого языка/. Всякая дальнейшая серь-

езная работа над фригийским языком возможна лишь после составления свода материалов, в котором отдельные лексические единицы были бы выделены строго объективными методами. Такой свод в настоящее время подготовлен автором доклада при участии и с помощью В.П. Нерознака.

6. В свете имеющихся у автора данных, те доводы, которые за последние десятилетия приводились в пользу только греко-фригийского, но не армяно-фригийского родства, нуждаются в пересмотре. Прежде всего, следует отметить армяно-фригийские изоглоссы в области фонетического развития; в частности, общим является направление передвижения взрывных, история начального $s-$, почти полностью совпадает ход развития всей системы гласных, включая гласные сонанты. Хотя каждая в отдельности из соответствующих фонетических изоглосс объединяет фригийский не только с армянским, но также и с теми или иными другими языками, однако весь комплекс фонетических изменений в их совокупности является общим только между фригийским и армянским.

7. Особо следует остановиться на проблеме *centum-satem*. Находясь как диалект индоевропейского между греческим /тип *centum*/ и армянским /тип *satem*/, фригийский может, естественно, занимать и в области истории палатализованных задненебных некоторое среднее положение. Метания исследователей от безоговорочного признания фригийского языком типа *satem* к столь же безоговорочному признанию его языком типа *centum* объясняется выборочным использованием глосс вместо изучения фригийских текстов, и даже без надлежающей проверки каждой глоссы. В действительности же во фригийском $*k, *g(\lambda) > s, \lambda$, но в позиции $*k'S-, *g'(\lambda)S-$; где S - неслогообразующий сонант r, l, n или $m, > kS-, gS-$: и.-е. $*k'ig >$ фриг. *sikinnis* "танец"; и.-е. $*k'ios >$ фриг. *si, *sos* "сей, сего"; и.-е.

*kēi = > фриг. e-sa(i) = it ^{imperf.}caus. "приготовил"; и.-е. *g'hed- > фриг. zet-na "ворота, проход"; и.-е. *g'helH- > фриг. zelk-ia "зелень"; однако и.-е. *k'lu-t-, *k'lu-dhu- фриг. kludros название реки, ср. арм. luk < *k'lu-t-os ; и.-е. *sye-k'(ur)os > фриг. wekros "свекор"; и.-е. *kāk'mān "камень", "небо" > фриг. *Akām; и.-е. *sye-g'no- > фриг. we-gno- "своепложденный, родич"; и.-е. *g'hlo-r- > фриг. glūzas "золото" и т.д.; ср. также фриг. te-tik-menos "проклятый", "обреченный", возможно, и и.-е. *deik' = "указывать", "обозначать". Из достоверных фригийских лексических единиц пока не поддается объяснению по этому простому правилу только ge-gait-menos, для которого было предложено толкование от и.-е. *g'hec-, *g'hac-, однако, как этимология, так и перевод этого слова пока сомнительны. Итак, фригийский есть язык типа satəm, и лишь в позиции перед согласным сонантом /кроме ǰ, ǰ / палатализованный заднеязычный сохраняется как заднеязычный.

8. Следующим возражением против армяно-фригийского родства является довод о различии в характере флексий. Однако следует учесть, что на месте своего позднейшего бытования армянский язык в дописьменный период своей истории /XII в. до н.э. - V в. н.э./ подвергся мощному хуррито-урартскому и, возможно, лувийскому субстратному влиянию. Это следует как из общих исторических соображений /вообще теория фригийско-армянского родства как нельзя лучше укладывается в рамки известных нам исторических фактов/, так и из выявленного нами слоя хурритских слов в армянском. Под этим влиянием в армянском произошло общее выравнивание места ударения /общим правилом стало ударение *paohy-tanon* /, вследствие чего в дальнейшем совершилась полная утеря гласных конечного слога, а также всех односложных флексий. Но вместо того, чтобы развиться в сторону аналитического строя, как это имело место, например, в

иранских языках, в армянском произошла перестройка флексийной системы за счет сохранения и перенесения во все парадигмы реликтов двусложных флексий типа $*\dot{u}os$, $*u\dot{u}os$, $*V\dot{h}i$, $*etos$, $*k\dot{h}os$ /последняя форма - развившаяся под лувийским и урартским влиянием адъективная замена родительного падежа/. Естественно, что в этих условиях не могло сохраниться сходства между сложившейся гораздо позднее овозобразной древнеармянской флексией и фригийской флексией с ее мало измененными историческими индоевропейскими формами склонения основ на $*-o-$, $*-o-$ и основ среднего рода без тематического гласного. Но эта армянская инновация относится к эпохе много позже Геродота и Эздока. Разумеется, рассматривать армян как "фригийских отоеленцев" /по Геродоту/ нельзя, и ряд лингвистических черт с несомненностью указывает на автономность развития армянского и фригийского в течение достаточно длительного времени /например, следы *Dativus pluralis* на $-m$ - во фригийском вместо арм. $*w\dot{h}i$ /.

9. Наконец, что касается лексических изоглосс, то при скудости и специфичности имеющегося в нашем распоряжении фригийского лексического материала, говорить о большем числе греко-фригийских, чем армяно-фригийских изоглосс невозможно; многочисленные грецизмы во фригийском часто являются либо несомненными, либо вероятными заимствованиями, исторически легко объяснимыми. Во всяком случае, число выразительных армяно-фригийских лексических изоглосс по отношению к общей массе наличного лексического материала нужно признать вполне достаточным.

10. Признание фригийского языка языком типа *satem* снимает важнейшее из возражений против постулата о существовании фрако-фригийской ветви индоевропейского; впрочем, наши сведения о фракийском представляются мне пока весьма ненадежными; они почти целиком, насколько я могу судить, базируются на этимологизировании

собственных имен и топонимов, действительное значение которых нам по большей части неизвестно, а лишь реконструируется в зависимости, в свою очередь, от правильности этимологии. Но этимология не может считаться доказанно правильной, пока нам из независимых данных не известна семантика этимологизируемого слова. Пока что, как кажется, ясно лишь общее направление фонетического развития фракийского, и оно, в общем, представляется весьма сходным с тем, что наблюдается как во фригийском, так и в армянском.

11. В заключение стоит отметить, что от предполагаемой фригийско-италийской изоглоссы /а также изоглоссы с рядом других языков "западного" типа/, в виде медиопассаива на *-toz*, возможно, надо будет отказаться: не включено, что речь идет о лексически самостоятельной частице нереальности *-r(a)*, имевшей свои следы и в греческом, и в древнеармянском /отрицательный императив *me hre-r* /.

12. Мы приходим, таким образом, к выводу, что хотя фригийский и являет черты известной близости к греческому, но едва ли не более значительна его историческая близость к армянскому, а также, вероятно, и к фракийскому. Вопрос о том, можно ли возвести фригийский, армянский и фракийский к общему праязыку, отличному от общиндоевропейского, пока остается открытым, но мне представляется вероятным его предстоящее положительное решение. С греческим - как, по-видимому, считают все исследователи, - фригийский в одну группу не входит, несмотря на их довольно заметные точки соприкосновения. Впрочем, отчасти близость фригийского с греческим заметнее, чем с армянским, просто в силу большей, чем в армянском, фонетической сохранности индоевропейских черт во фригийском и в греческом.

Современное состояние изучения фригийского языка

Изучение остатков фригийского языка имеет более чем столетнюю историю, но его данные, за исключением отдельных глосс и некоторых форм, выделенных из новофригийских текстов, мало используются в индоевропеистических исследованиях, т.к. до сих пор нет уверенности в надежности истолкования надписей.

Почти все эпиграфические памятники фригийского языка сосредоточены на локально ограниченной территории в центральной Анатолии. Они делятся на два почти на 10 веков отстоящих друг от друга хронологических типа. Старофригийские надписи датируются VII–Увв. до н.э., а новофригийские – II–III вв. н.э.

Значительный вклад в собрание, описание и интерпретирование памятников фригийского языка внесли археологи и эпиграфисты В. Рамзей, В. Калдер, Р. Янг, лингвисты А. Торп, П. Кречмер, И. Фридрих, Р. Гусмани, О. Хааз, М. Лежен и др.

С точки зрения эпиграфики новофригийские тексты не представляют проблемы, они выполнены обычным греческим письмом эллинистического типа. Почти все они поддаются истолкованию. Как правило, новофригийские надписи составлены в жанре формул-проклятий, обращенных к потенциальным осквернителям надгробий. Им обычно предшествует посвятельный текст на греческом языке.

Напротив, старофригийские надписи, в том числе и те, которые обнаружены за последние годы в Гордионе и Германе /см. работы Р. Янга, М. Меллинка, Л. Тутрула и Н. Фиратлы/, предлагают ряд вопросов, от решения которых будет зависеть их интерпретация. К сожалению, надписи из Гордиона весьма кратки и многие из них, по-видимому,

являются именами собственными, а это снижает их лингвистическую ценность. Надпись из Битинии, самый большой связный текст, состоящий из 9 строк /около 250 знаков/, во многих местах испорчена, что затрудняет ее прочтение, к тому же публикации ее неудовлетворительны /Тургул и Фиратли, Брикко, Хааз/.

Согласно М.Лежену, детально исследованному репертуар знаков старофригийских надписей, они выполнены местным вариантом алфавита греческого архаического типа, происходящего из прибрежных районов Сирии. Сходство с алфавитом Лидии, Карики и Ликий, воспринятым во Фригии из греческих колоний Киликии, отмечает И.М.Дьяконов. Можно, однако, думать и об островном источнике фригийского алфавита, на это указывают параллели в формах отдельных букв. Фонетическая идентификация знаков Υ , $\uparrow$, $\downarrow$, $\downarrow$ представляет ряд трудностей. М.Лежен полагает, что они могли быть заимствованы не из греческого, а непосредственно из семитического письма. Типологическое сходство отмечается в мессапском алфавите /знаки $\uparrow$, Υ , Υ /.

Лингвистический анализ данных фригийского языка ориентирован на определение его статуса в и.-е. семье и выяснение его ареальных связей. Сопоставление фракийских языковых остатков с фригийскими позволило Н.Кречмеру постулировать фрако-фригийский язык. Все последующие попытки истолкования фригийского языкового материала либо отвергали это мнение, либо соглашались с ним. Расхождения во мнениях существуют прежде всего в решении проблемы генетической соотнесенности фригийского с и.-е. языками "одиночками". Широкое распространение имеют две концепции: 1/ фригийский генетически наиболее близок армянскому /наиболее последовательно ее отстаивает И.М.Дьяконов/, 2/ фригийский генетически тяготеет к греческому /О.Хааз/. В то же время Р.Кроссланд и И.М.Дьяконов допускают возможность того, что фригийский и фракийский занимали промежуточное

положение между греческим и армянским, проецируя в прошлое их развитие из единой диалектной области. Споры ведутся главным образом вокруг отражения заднеязычных и хронологизации ареальных изоглосс /медиопассив на -z, аугмент, местоименные формы и т.д./.

Учитывая ряд /NB- для ограниченного материала/ фонетических и морфологических корреспонденций с фракийским и другими палеобалканскими языками /и с албанским как преемником палеобалканской речи, ср., например, отмеченное Хэмпом сходство фригийских и албанских провербов/, можно ввести фригийскую проблему в круг палеобалканских языковых проблем со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Предпринятая Хаазом стратификация фригийского материала на три языка - собственно фригийский, северовостофригийский и дофригийский - не согласуется с лингвистическими фактами. К тому же, как отмечает В.Дресслер, *NO-Phrygisch* не имеет локально фиксированного состава имен собственных.

Критика О.Хааза по поводу составленного им собрания лингвистических сведений о фригийском языке и их истолкования /Брикс, Дресслер, Дьяконов, Гусмани, Хойбек/ приводит к выводу: необходимо новое гиперкритическое издание фригийских лингвистических данных, включая новонайденные. При решении этой задачи большое внимание должно быть уделено классификации надписей по типам, составлению конкорданса, унификации нумерации надписей и т.д. Составление словаря этимологий - вторая задача. При ограниченности апеллативной лексики важное значение приобретает составление собрания фригийских имен собственных на основе уже имеющихся коллекций малоазийских ИС, а также с учетом палеобалканских ономастических тезаурусов.

Развертывание комплексных палеобалканистических исследований должно в полной мере опираться на фригийские лингвистические факты.

К реконструкции фракийского

1. Реконструкция фракийского, как и любого другого исчезнувшего языка или языкового слоя (прото- и праязыки), или, наконец, какого-нибудь лингвистического феномена, незасвидетельствованных письменной традицией, равно базируется на сравнительно-историческом методе, который в свою очередь — факт общеизвестный — целиком зиждется на этимологии в современном понимании ее рабочих процедур и задач, сводимых в каждом отдельном моменте к отождествлению лексико-морфологических единиц либо цельных лексем. Однако, если этимологическая реконструкция праязыковых форм, использующая материал обычной лексики, глоссы, фрагментов текста, представляет собой в значительной мере формульное выражение сети соответствий, то для фракийского и прочих реликтовых языков, дошедших преимущественно или полностью в иноязычных передачах имен собственных, реконструкция предстает в качестве вынужденной реальности, получаемой в итоге "дешифровки" ономастического континуума, организованного по мозаическому принципу и гетерогенного по своей структуре. Именно поэтому весьма важными оказываются в данном случае методологические предпосылки. Как и при обычной дешифровке, здесь многое определяется избранной методикой. Между тем, результаты не могут быть сравнимы: дешифровка текстов, даже таких ограниченных ханрово и коротких, каковыми оказались таблетки линейного Б, дает язык в достаточной полноте плана выражения и с держания, в то время как интерпретация ономастикона выявляет факты обычного языка (фонемный состав, фрагмент аппеллативного сло-

варя, элементы морфологии, изредка синтаксиса) лишь только в той степени, в какой ономастика их использует. Причем, степень полноты реконструкции каждого языкового яруса, надо думать, изначально predetermined: ее шкала соответствует порядку, в котором эти ярусы только что перечислены. Напротив, в экстралингвистическом плане в силу своей специфики ономастика (топонимия, антропонимия и пр.) может содержать значительно больше информации, например, об этногенезе, племенных контактах, миграциях и т.п., нежели дешифрованные, но фрагментарно сохранившиеся тексты, ср. линейное Б, карийский, ликийский и т.д., с одной стороны, и индо-арийская антропонимия в ближневосточных текстах, гомеровская антропо- и этнонимика, с другой.

2. В реконструкции фракийского можно выделить три этапа, каждому из которых свойственна своя, наиболее широко применяемая в данном случае манера (методика) этимологизации имен собственных. В целом методы реконструкции (геогр. этимологии) совершенствовались в прямой связи с развитием этимологической науки в сфере обычной лексики.

1) Ортодоксально-генетический. Наиболее распространенная операция: ономастическая лексема → обычная лексема любого индоевропейского языка → и.-е. корень из наиболее авторитетного для своего времени и т.е. словаря (в настоящее время - словарь Ю.Покорного); ср. В.Томашек, П.Кречмер, Д.Дечев, И.И.Руссу, в какой-то мере Н.Йокль.

2) Комбинаторно-этимологический. Значительные достижения связаны главным образом с практикой Вл.Георгиева.

3) Ареально-этимологический. Н.Йокль, В.Н.Топоров, И.Дуриданов и др. Основная процедура: сплошное сопоставление

фракийской ономастики с ономастикой и соотносимым с ней апеллативным слоем какого-либо ареально близкого языка, в трудах упомянутых ученых - с фактами балтийских языков. Между первыми двумя достаточно условно разграниченными методиками демаркационная линия отсутствует. Многое, если не все, зависело от вкуса и интуиции ученых, ср., напр., повторяем всеми этимологию Томашека: *Κρίβλος* и пр., современное *Fekete-körös* (название реки в Венгрии), т.е. "Черный Кёрёш"; к и.-е. *kr̥s, kres "черный, темный", ср. скр. *kr̥sná* и пр. (SvWa 131, 1894, Abh. I, стр. 100), ср. еще у него замечание об этимологии ΜΗ ΨΕΒΕΣΣΑ, теперь Воден, в связи с интерпретацией известной фригг. глоссы βέδου (SvWa 130, 1894, Abh. II, стр. 5), -δαια, -deva и пр. Приблизительно в 50 топонимах, около двух третей из них на территории Дакии, к и.-е. *dhē-υ- : dhē-υ- в греч. *Ἰαφάσσα* "сизу" и пр. (SvWa, 131, 1894, Abh. I, стр. 70; SvWa, 130, 1894, Abh. II, стр. 9). В большинстве, как всякая корневая этимология, особенно ономастическая, опирающаяся вынужденно на фантомы созвучия, реконструкции в ортодоксально-генетической манере лишены достоверной однозначности и критериев надежности, ср. λι Πάρις (Томашек, Кречмер, Блюменталь, Дечев), *Ἰννα* (Иокль, Дечев), *Λόκοζος* (Томашек, Дечев) и т.д. Впрочем, имеется ряд этимологически прозрачных случаев, когда мотивация названия достаточно однозначно заключена в характере объекта, ср. -αἴμα/-αἶμα- в многочисленных гидронимах Фракии, Иллирии и за их пределами, из и.-е. *āp-* в др.-инд. *ap-* "вода", др.-прусск. *ape* "река" и пр.; -ζενυς, *zenus*, -venes и пр. в большом числе фракийских личных имен, из и.-е. *žen-*, аналогично греческим композитам

с $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma$, позволивших эскизно представить фракийскую историческую фонетику.

В настоящее время первые две методик реконструкции фракийского, видимо, в значительной мере исчерпали себя. Постепенно теряет силу гипотез постулата о фракийском, как особом и равноправном и.-е. языке, что несомненно, и часто подразумеваемой гомогенности его ономастики, что совершенно сомнительно, поскольку такое состояние ономастики ни в одном языке просто не засвидетельствовано. Именно последнее обстоятельство породило *circulus vitiosus* ортодоксально-генетической этимологии, стремящейся во что бы то ни стало возвести каждую фракийскую ономастическую единицу непосредственно к и.-е. корню на праязыковом уровне.

3. Успехи ареального подхода в этимологии обычной лексики и его особая продуктивность в истолковании ономастикона полно засвидетельствованных языков с необходимостью повлекли за собой распространение методов ареальной лингвистики и на исследование фракийских и других балканских ономастических и редких апеллативных реликтов (И.Дуриданов, В.Н.Топоров, Р.Гусмани).

Давно, со времени К.Паули, отмеченная идентичность балканских ономастических цельных лексем и основ с туземными малоазийскими, как выяснилось позже, хетто-лувийскими по происхождению, досредними, подобно балканским именам собственным, в греко-римских передачах, многие из которых синхронно засвидетельствованы в обоих ареалах одним и тем же античным или византийским автором, побудила нас, в свою очередь, предпринять сплошное этимологическое обследование фракийского материала на предмет выявления фракийско- и (более широко) восточнобал-

канско-"анатолийских" лексико-ономастических тождеств. Указанная синхронность или разрыв во времени в любом случае на тысячу лет меньший, чем при письменной фиксации балтийских фактов, отражение сопоставляемых лингвистических массивов в единой и непрерывной, главным образом греческой языковой традиции, с более глубоким прослеживанием ряда тождеств в хетто-лувийских текстах (методика, в известной мере отработанная нами на догреческо-анатолийском материале) — все это сулило надежность результатов в достаточно удовлетворяющей степени.

действительно, уже проделанная черновая работа по сплошному этимологизированию фракийских реликтов приводит к мысли о более органической и глубокой природе исследуемых сходжений, нежели ординарное объяснение этого факта широкой греческой колонизацией или этнической инвазией с Балкан в Анатолию в поздне- и послехеттский период. Удалось в чисто предварительном порядке выявить около 30 теофорных и 50 апеллативных хетт.-лув. основ; разумеется, часть из них в процессе обработки отсеется.

Мощность пласта фракийско-"анатолийских" изоглосе удивительным образом укладывается в контекст традиционных культурно-исторических связей между Восточными Балканами (преимущественно территория Болгарии и Румынии) и сев.-зап. Анатолией (Троя с примыкающими областями). Эти связи археологически особенно четко прослеживаются в последней трети IУ тыс. и в течение всего III тыс. (ранний бронзовый век). Имеются в виду недавние результаты идентификации, стратиграфии и датировки раскопок поселений михалич и Эзеро (верхние горизонты — Караново VII) по отношению к Трое I-IV, приблизительно с 3300 по 2200 год до н.э. (Г.Чайлд, Дж.Мелларт, Г.Георгиев, Н.Я.Меллерт).

4. Конкретные этимологические примеры.

1) Теофорные основы. Хетт.-лув. *Arma* : *ἄρμα* *Arrouληνή* – эпikleза Геры, ср. лид. *arḡvli-* и пр.; хетт.-лув. *Tarhu-*: фрак. *Ἰη Τορκος*, герр. *Τορκους*, *Τορκου* (*ἡλικίας*), *Τορκουλας* и пр., ср. имя лид. героя *Τάρκων* (= *χων*); лув. *mas-ta-*: фрак. *Ἰη Μαστύης* / **mast(a)-uwa*, ср. м.аз. *Ἰη*: псид. *Μαστα*, килик. *Μαστης*, и т.д.

2) Апеллативные основы. Хетт.-лув. *parn(a)-*: фрак. *Ἰη* (*Μηκι*) *βερνα* / = *περνα* и пр., *Ἰη Παρνοῦστα*, ср. исавр. *Ἰη Περνας*, лик. *Ἰη Παρνας*, капп. *Ἰη Παρναςτος* и пр.; хетт.-лув. *tarra-*: фрак. *Ἰη Τάρρος*, *Τέρρος*, *Ἰη* (*Δαλά*) *ταρρα*, *Τραπο(ριζύη)* и пр., ср. кар. *Ἰη Ταρρανῆ*, псид. *Ἰη Ταρραστος*, лик.-псид. *Ἰη Τερρημис*, лик. *Ἰη Τερρημис* и пр.; хетт. *pašta-*: фрак. *Ἰη Costas*, *Castus*, эпоним *Costobocae*, *Castabocae* и пр. ср. кар. *Ἰη* и демотикон *Κασταλιος*, *λασταλ* и т.д.

Если приведенные фрако-анатолийские тождества – отражение непосредственных этнолингвистических взаимодействий, то две нижеследующих этимологии – результат каких-то, видимо, более сложных ареально-генетических отношений.

-πο-ς (этимологии не имеет) в *Πρία-πο-ς*, *Πρίε-πο-ς*, *Πρίη-πο-ς* – сын Вакха, бог неиссякаемой производящей силы, способствующей процветанию во всех областях жизни людей, животных, растений; *Πρίατος* – также эпитет Диониса, культ которого определенно греки заимствовали у фракийцев, и с вариантами *Πρίητος*, *Πριηπίς πόλις* – город на азиатском берегу Пропонтиды; *Περίπιος*, *Πριέπιος* – название месяца у Вифинцев; кроме того, в *Ἰη Θλουδ-πο-ς* и *Μαυ-ρις*.

Анализ целесообразно начать с композита *Πρία-πο-ς* и пр., поскольку его семантика "высшая жизненная сила природы" однозначно очерчена функциями божества; в формальном и в завуалирован-

ном семантическом отношении оно полностью совпадает с кар. гео-
ридным названием острова *Πρίατο-νησος* (ср. фрак. *Πρίατος* в каче-
стве теофорного эпитета и топонима), лик. *𐌱𐌹 Prīja-tu-nama*, хо-
рошо проясняемых на почве ранне- и позднехетто-лувийских языков
из *p(a)rija-bu-, ср. хетт. *parija(n) "hinuber, darüber, hinaus, auBerdem"* от хетт.-лув. *para-* "pro-", слав. *per-* и пр.
элемент *pari(ḡa)-* весьма продуктивен и в раннехетт.-лув. ономас-
тике; -bu / и.-е. *bñ- первоначально "расти, урождать, процве-
тать", затем "быть", ср. греч. аор. *ἔφυον* "я произошел, возрос
и пр." откуда новообразование *φύομαι* "расти, происходить,
стать", *φύμα* "нарос" = др.-инд. *bñma-* "земля, мир, сущее",
φύσις "природа" и т.д., сюда же лид. *bu(v)-*. В греч. передачах
фрак. *ο* чередуется с *υ*, ср. *-βουνοι* = *-βουων*, *Βουραε-
δης* = *Βουραίδης*, как и в передачах м.аз. имен собственных,
где часто туземное *υ* = греч. *ο*, ср. лик. *Prijenube* = *Πρι-
νορας* (билингва); в свою очередь известен факт варьирования в
греко-азиатских продолжениях м.-е. *bñ звуков *b:p*, ср. кар. *𐌱𐌹
Bargaba, Pargabā, Paryasa* и пр. / и.-е. *bñgh- и т.д. Из-
ложенные факты дают реальные основания возвести фрак. элемент
-το-, -ρι-, аналогично кар. *-το-* и лик. *-bu-* к и.-е. *bñ- при
идентификации первой части с хетт.-лув. *p(a)rija- что вполне
соответствует функциональной семантике фрак. бога *Πρία-τος* и пр.
Правильным фрак. рефлексом следует признать, в таком случае, *𐌱𐌹
(Kabl)βουνοι*, ср. иллир. *Buni-*, *𐌱𐌹 Βούνας*, алб. *bun(ë)* "пас-
тушеский шалаш" (Rokotnu 149). для интересующего нас элемента
-το-, в отношении звука *τ* не исключена возможность в процессе
транскрипции греч. субституции по очень продуктивной модели
греч. имен на гетерогенное *-τος*. Наряду с этим кар. *Πρίατονησος*

толкуется "очень, в высшей степени плодородный, цветущий (остров)", лик.𐌆𐌆 Prīja-bu-hama "любозный обладающему высшей степени животворной силы", если -(a)hama к хетт. ašija- "любить" (В.В.Шеворошкин). Из соображений гиперкорректности, хотя формальных предшественств нет, я избегаю интерпретации "остров Приапа" и пр., так как указания на туземный культ Приапа в Малой Азии отсутствуют. Употребление *Πρίαπος* в качестве эпитета Диониса, возможно, свидетельствует о сравнительно позднем выделении Приапа как самостоятельного божества внутри культа Диониса. Интересна глосса Гесиохия: *Παριανός ἐξ ἐπιθέτου Πρίαπος*, представляющая собой тафтологическое словоупотребление, своего рода *figura etymologica* (*Παριαν* = хетт. *parijan-*, ср. хетт. URU *Parijana* ≈ ион. *Πριήνη*), весьма характерное для архаического периода. Форма *Περσίπιος* и пр., по-видимому, появилась в итоге переразложения при греч. адаптации. Поучительно отметить и другие отражения хетт.-лу.: *p(a)ri(ia)- в фрак. ономастике, напр., *Πρῆπιος*, *Πρῆπιος* - вифинский бог войны, *Πρῆπιος*, *Πρῆπιος* - названный по нему месяц и т.д., ср. троянск. *Πρίαμος* ∟ *Prīja-ma, лик.𐌆𐌆 Prījama, *Priantae*, *Βριαντις* - κή и пр. - область между Месембрией на Эгейском море и Маронеей, ∟ *Prīja-nt, ср. крит. догреч. 𐌆𐌆 *Πρίαπτος* и т.д.

В свете сказанного интерпретация двух других личных имен с элементом -πo- не вызывает затруднений.

Maυ - rus ∟ *Maυ-bhū-, или, возможно, ∟ *Maw-bu- "проникнутый, обладающий животворной силой богини *Maυ"; I те-оформная основа представлена в ономастике Фракии многочисленными рефlekсами в трех возможных вариантах: -maυ- (*Πα-μαυος*, *Siamans*), Ma- (*Ma-δακας* и пр.), Mai- (*Μαι-βαΐδης*), кстати чередование форм *Maυ*:*Mai* - свойственно и м.-ав. именам с этой

основой, ср. кар. Μαύβωλος - писид. Μαίβωλος, кар. Μαίβω-
λενος. Θεουλ-πος - греко-фракийский гибрид типа полукаль-
ки (следует учесть упомянутое чисто греческое омонимичное -πος,
возможно, суффиксальное), имеющий в первой части греч. апеллатив
θεός (δ, γ) "бог", "богиня" или θεά "богиня"; о правомерности
форм с ι в данной основе свидетельствует, напр., беот. θεουέ -
νεις и пр. вместо θεόθενης и др., поскольку в беотийском
вообще имеется форма θεός = θεός, Гесихий: θεός· θεός· κρήεις
смысла же, видимо, и другая глосса Гесихия: διασπ· χορεύειν и т.д.,
т.е. "учреждать священные пляски и тд."; относительно иденти-
фикации ε и ι во фракийском ср. варианты λι θεαδω, θεαθλουε,
θεαθελιθις, к исходу основы -ουλ- ср. рассмотренное выше
Αρουλ-γηή. Таким образом, Θεουλ-πος можно истолковать как
"животворная сила бога, гезр. оогини или, памятуя об адъективной
природе -ουλ- "оожественная, богова животворная сила". С точки
зрения субституции значения от частного к общему интересно на-
звание города в Колхиде θεά-πολις взамен первоначального Αἰά -
πολις (Pape - Benselex, 509), где Αἰά- "мать-земля" равно и
вероятно, контаминировано с Γαῖα (см. Frisk s.v.v.). Обращает
на себя внимание, по нашему мнению, немаловажный факт, что -πο-ς
встречается во фракийском только в теофорных именах.

-δων, -δον - (также этимологии не имеет), за пределами
греческого, где этот исход, по преимуществу суффиксальный,
очень распространен, встречается в неогромном числе имен собстве-
нных, среди которых явно преобладают топонимы, обозначающие це-
лые области на Балканском п-ове (один в Малой Азии): Πυρρονία,
Μακεδονία, Βαχαβανία (в греко-азиатской ономастике ο мо-
жет чередоваться с α), в собственно Фракии - ἄτρα Σαρτηδων
ср. лок. λι Σαρτηδών, и город Σαυτιδών, -όνος - одна из

форм более частого названия $\xi\upsilon\nu\gamma\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\nu\omicron\nu$ и пр. синтагматические связи этого элемента внутри композит, а также его поразительное совпадение с 1 основой имени хтонического божества, почтаемого в Элладе: догреч. $\Delta\omega\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ (зол.), $\Delta\omega\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ (фесс.), $\Delta\omega\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ (дор.), $\Delta\eta\mu\acute{\iota}\tau\eta\rho$ (ион.-атт.) "мать-земля" $\approx$ фриг.

$\Gamma\delta\alpha\mu$ - $\mu\alpha\chi\alpha$, $\Gamma\delta\alpha\nu$ - $\mu\alpha\chi\alpha$ - дает почти предельную степень возможности для включения элемента $-\delta\omega\nu$ с значением "земля" в круг столь разнообразных по форме рефлексов и.-э. $*\delta h(e)\delta h\acute{o}m$; появление транскрипций с δ ($-\delta\omicron\nu$) либо греческая сублиституция по аналогии с разрядом имен нарицательных и собственных, содержащих суффикс $-\delta\acute{o}\nu$ (им.пад. $-\delta\acute{o}\nu$), либо дублет при безразличии к долготе во время письменной фиксации. Не вдаваясь в частности интереснейшей и поучительной истории данного корня - она в подробностях и с обеском изложена в последней книге И.И.Иванова в связи с вопросом о "спирантах Вругмана" (также В.Мерлингген, А.Холбек) - отметим лишь самую важную деталь. форма $-\delta\omega\nu$, подобно догреч. и фриг. основам - одна из трех возможных реакции (метатеза) на необходимость упрощения недопустимого в древних и.-э. языках следования переднеязычный + заднеязычный, образовавшегося после редукции гласного, т.е. и.-э. $*\delta h\delta h\acute{o}m > *gnd\acute{o}m >$ фриг. $\Gamma\delta\alpha\nu$ = догреч. $\Delta\omega\mu$ -, гевр. $\Delta\omega\mu$ = фрак. и пр. $-\delta\omega\nu$ при греч. $\chi\theta\acute{\iota}\omega\nu$ и т.д. Здесь необходимо сделать пояснения. 1) Отпадение начального γ в догреч. и фрак. может быть объяснено или отпадением $gh-$ ($gh-$?) после метатезы в диалектный и.-э. период, ср. др.-ирл. $d\acute{u}$, род. пад. don "место" / $*gd\acute{o}m$ / $*dg\acute{o}m$, алб. dhe "земля", или падением анлаутного g перед d уже на протяжении истории обособившихся языков, ср. греч. $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ наряду с $\acute{\epsilon}\rho\acute{\iota}$ - $\gamma\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$: $\acute{\epsilon}\rho\acute{\iota}$ - $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ и т.д. (Frisk 1,412 сл.). 2) Конечное

и соответственно закономерностям конца греч. слова, ср. ирл.

пример. 3) формы с $\ddot{\alpha}$ восходят, видимо, к нулевой ступени - и.-е. *gh $\dot{\nu}$ h $\dot{\nu}$ m, откуда догреч. а, подобно греч. $\chi\alpha\mu\acute{\alpha}\iota$ и фриг. $\Gamma\delta\alpha\nu$ -; варианты с $\bar{\alpha}$, давшие в аттическо-ионическом η , после ассимиляции одного μ и заместительного удлинения: $\Delta\acute{\alpha}\mu\mu\acute{\alpha}\tau\upsilon\rho >$ дор. $\Delta\bar{\alpha}\mu\acute{\alpha}\tau\upsilon\rho >$ атт.-ион. $\Delta\eta\mu\acute{\iota}\tau\upsilon\rho$.

Для языков сатем так будто возможно и другое объяснение элемента $\Delta\omega\mu$ (ср. наше $-\delta\omega\nu$), предложенное в свое время В. Шизани (Гр 53, 1935, 30, 38) и развитое на большом языковом и реальном материале в контексте хтонического культа деметры Вл. Георгиевым в его первом труде по догреческому (Die Träger, 9-16, 20-22) и коротко повторенное в Vorgriechische Sprachwissenschaft (I, 76): поскольку и.-е. $gh >$ догреч. $\dot{\delta}$ или z , греч. δ или ϵ , то и.-е. *(dh)gh $\dot{\nu}$ m в догреческом должно дать * $\dot{\delta}\dot{\nu}$ m, греч. передача $\delta\omega\mu$ -, ср. алб. $d\acute{e}$. Равным образом $\Delta\omega\mu\alpha$, первоначально только эпитет деметры, идентичный $\chi\theta\omega\nu\acute{\iota}\alpha$, из и.-е. (dh)gh $\dot{\nu}$ m через догреч. * $\dot{\delta}\omega\mu$ -. Все это довольно логично, но как форму $-\delta\omega\mu$ ^{объяснить} в македонском и позднехеттском? В связи с этим предлагаемое нами этимологическое истолкование данного балкано-малоазиатского элемента представляется более всеобъемлющим, к тому же оно и более экономно.

В заключение несколько слов о топониме $\Sigma\upsilon\rho\acute{\iota}\delta\omega\nu\nu\omicron\nu$ - город в верхней Мэзии, локализуемый в районе Белграда и недавно идентифицированный О.Н.Трубачевым с совр. Сегедом (юг Венгрии); по Дечеву, сам Белград. Этот топоним вслед за А.Хольдером (Altceltischer Sprachschatz II, 1970 сл., ср. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, 144) обычно считается фрако(-дако)-кельтским гибридным образованием: дак. $\Sigma\upsilon\rho\upsilon\epsilon$ - + кельт. $d\acute{u}non$ "укре-

пленный валом город, крепость". Однако это название имеет у античных и византийских авторов ряд вариантов: $\Sigma\nu\gamma\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\nu\omicron\nu$ ($\Sigma\gamma\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\nu\omicron\nu$), Singidunum (Singitunum), Singiduno , а также $\Sigma\gamma\gamma\acute{\iota}\delta\omicron\nu\omicron\varsigma$, $\Sigma\gamma\gamma\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\nu$, $\Sigma\gamma\gamma\eta\delta\acute{\omega}\nu$, $\Sigma\gamma\gamma\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\nu$, что дает нам известные основания в свете сказанного о фрак. $-\delta\omega\nu$, $-\delta\omicron\nu$ - считать формы названия, содержащие омонимичный ему элемент, более архаическими, с последующим довольно регулярным переходом фрак. $\omicron > \iota$, примеры чему приведены выше. В подобном предположении нас укрепляет отсутствие в фракийской (гезрдакийской) ономастике каких-либо других следов сохранения др.-кельт. $d\bar{u}non$. В таком случае отпадает необходимость в постулировании гибридности названия, которое на почве фрако-дакийского толкуется как "земля, гезр. место, город ($\tau\acute{\rho}\alpha\varsigma$) сингиев", ср. $\Sigma\nu\gamma\acute{\iota}\delta\alpha\nu\alpha$ "город сингиев" (дакия). Впрочем, поздняя кельто-фракийская контактная не исключена, тем более, что и кельт. слово и рассмотренный фракийский лексико-ономастический элемент продолжают одну и ту же индоевропейскую основу.

К древним балкано-балтийским связям в области
языка и культуры

Значение Балкан /и Апеннинского п-ова/ в истории Древнего мира определяется их включенностью в связи двух разных типов - с древними центрами средиземноморской культуры, прежде всего с М. Азией и Ближним Востоком, с одной стороны, и с носителями археологических культур, находившихся к северу /трипольская, лужицкая, протобалтийская, германские культуры I-го тысячелетия до н.э. и т.п./, с другой стороны. В первом случае Балканы выступали в основном как заимствующая сторона, во втором - как та, у которой заимствуют. Обобщающие работы по археологии древней Европы /P. Bosch-Gimpera, M. Gimbutas и др./ дают основание считать, что еще во 2-й полов. 3-го тысячелетия ахейцы и хетты находились в вост. части Балкан в непосредственной близости с М. Азией; в середине 2-го тысячелетия здесь уже находились фракийцы /и фригийцы, которые на рубеже I-го и 2-го тысячелетия были уже в М. Азии, где, в частности, отмечены и венеты наряду с иллиро-венетскими племенами Балкан/. Уже сам факт преемственности указанных этнических культур в этой части Балкан показателем и едва ли мог не оставить по себе следов. Вместе с тем в переходный период между бронзой и железом началась усиленная инфильтрация элементов лужицкой культуры в сторону Черного моря, Дуная и Балкан /"пантийская" миграция/, не оставшаяся без последствий - в конечном счете - и для М. Азии /ср. падение Хеттского Царства, разрушение Трои и т.п./. В более поздние времена признаки связей между южной Прибалтикой и Бал-

канами /или Италией/ все более умножаются /ср. путь готов от устья Вислы на юг и т.д./. Средневековая историографическая традиция сохраняет много указаний на такого рода связи /ср. Geatas в "Беовульфе" и геты; герулы на берегах Балтийского моря и на Балканах; сведения о прусском посольстве в Рим в 5 в. н.э. и т.п./. Пренебрежительно-отрицательное отношение к этой ранней традиции в последнее время уступает место более внимательному подходу с тенденцией к доверию. В этих условиях сама проблема балтийско-балканских культурных и языковых связей не может вызвать возражений. В настоящее время возникла не только возможность, но и потребность в рассмотрении этих связей и введении их в более четкий пространственный, этнический и хронологический контекст. Такая возможность открылась благодаря новым обширным собраниям фракийского и иллирийского языкового материала, его дифференциации и более углубленной интерпретации на фоне развивающихся исследований древнейших языков Балкан, М. Азии /отчасти Италии/. Потребность же в изучении балкано-балтийских связей возникла как из попыток дальнейшего уяснения места фракийского и иллирийского языков среди других индоевропейских, так и из открытия многочисленных следов гидронимии и топонимии "балтийского" типа на широких пространствах, примыкающих к историческому ареалу балтийских языков /вост.-слав. земли, территории к зап. от Вислы и т.д./, или соответствий между балтийскими и балкано-адриатическими ономастическими данными /Краэ, Каспарсонс, Алессо, Дуриданов и др./. Ниже указываются некоторые из таких параллелей.

1. Фракийско-балтийские параллели в области гидронимии и топонимии.

В последней книге И. Дуриданова указано много убедительных

/несмотря на имеющиеся возражения/ фракийско-балтийских параллелей (Δίγγιον - пр. Dinge; Καβύλη - пр. Savula; Purdae - пр. Purde; Σάριτη - лит. Saĩtė; Κερβος - пр. Kerse; Santes - лтш. Sautte; Σιάρκη - пр. Sparke; Βολαυβον - пр. Volausen; Βρυκλα - лтш. Bruckle; Galtis - лит. Galtai, пр. Galten; Μαλβα - лтш. Malvis; Στένδα - лтш. Stende; Γετηνοί - лит. Getenai; Γεζυλο - лит. Gerulis; Σκαβης - пр. Skabe; Putina - лтш. Puttin и под.). При современном состоянии исследований в области фракийского /и иллирийского/ эти сопоставления достаточно показательны. Здесь указывается еще целый ряд параллелей /примерно треть из имеющихся в распоряжении автора, не считая приведенных Дурядановым/, охватывающих фракийскую лексику от А до К; приведенные соответствия не исключают, конечно, наличия других параллелей вне этих районов. Тем не менее /учитывая общее количество сопоставляемых данных/, можно думать, что нигде нет такого числа совпадающих с балтийской гидронимией и топонимией фактов, как во фракийском и иллирийском /о сопоставлениях с ним см. в другом месте/. Лишь в некоторых случаях указываются малоазиатские параллели к балто-фракийским; их число может быть несколько увеличено; сам же факт балто-балкано-малоазиатских параллелей заслуживает особого внимания и специального рассмотрения. В следующем далее списке чаще всего приводится лишь по одной - по две формы с каждой из сравниваемых сторон; также опускаются детали - фонетические, словообразовательные, этимологические и т.д.

Αβηλα - лтш. Aiz - /ср. Αβραλέβας: Abvas - Łaja; Αϊβα:
лит. Aĩsė /ср. Αϊβ-πριος, от αβ - 'вода': Aĩsė-υπέ; Αββας:
пр. Appelone, Апелка; Αββαΐας : пр. Arbaten, Арбатец;

*Αουη : пр. Arnon (Arne); *Αρτωνης / есть и в Вифинии/; лтш.
Artane / ср. месс. Artas, фрнг. Αρτας, килик. Αρτης ;
 далм. Artanus и т.д./; Βαυτιολ / есть и в Иллирии/; пр. Banetin;
Βαστα -, Βιστα : Бостя, лтш. Vasta -, Бесте, лит. Bestupis
 (ср. Βιστωνία : лит. Bestinis); Βεβρυκας : лит. Bebrukas;
Βιλλεος (в Вифинии): лтш. Billles / ср. Βιλληνός: пр. Bylien,
 лтш. Billēni, лит. Bilėnai 1; Βορκία : пр. Bozken, Barke
 (ср. Βερк -: пр. Beikiten; Βι'αλ / ср. иллир. Βουτελι -> макед-
 слав. Битоль): пр. Buteliten, Бутельский; Βραχυλος: лит. Bras;
Βρυχίας (на Балканах, в М. Азии, на Адриатике): лит. Brūgis ;
Βύβαι : пр. Bubain; Βυργαται: пр. Burgin, лит. Burgėnai;
Βυρδ-, Burdenis : пр. Burden; Γαβρανис / Габрово, ср. Γαβρήτα
ΰλη, Чешский лес/; лтш. Gabrani, лит. Gabrinė; Γεδινία :
 пр. Giden, Gedine; Gegalus : лит. Gegulė; Γελβες / в Вифинии/;
 лтш. Gxelbi; Γερασтус: лтш. Garaste, пр. Gerstote; Gesti :
 лит. Gestupis; Γεΰδης / в Вифинии/; пр. Gaudyn; Γι'εδοβα;
 лит. Gėldupė Вальдока; Γόνδραи : лтш. Gāndre, Gordion ;
 лит. Gardėna; Γυδила : лтш. Guddel, пр. Gaudil; Δαβρεиас
 лтш. Dabras ; Δαυλις / и в Иллирии/; лит. Daulia; Δα'νκον
Τετχος / ср. Dauni в Южн. Италии/; лит. Dainupis; Δέρρη :
 лит. Darėstis, Добря; Δαξенус: лтш. Derdāna-pfana; Δερνος :
 пр. Derne, ятв. Denņā; Διδила: лтш. Didel, Diduff; Διτας :
 пр. Ditte; Δοβερος : лит. Duburis; Δορ'ηανος: пр. Dorpine;
Duda : лтш. Dudas; Δροβета : лит. Dubinga / ср. Dravājis;
 *Εδεбба / ныне Ваден/; Βεδоса / ср. *Объббос : Вадоса /; Ζιλ'αβ'α :
 лит. Želtupė; Ζιλ'ηνός: лит. Žibale; Ζελ'ας : лит. Žiežulis ;
Ζελ'μουτας : лит. Žilmaitis; Ζοрте: Жерт, Жорте /ка; Κα'λτης / в

Вифинии/: лит. Kalpe; Sarvilesi; лтш. Kerbele; Καρδίη:
лтш. Kaides; Sareta; лят. Karetēle; Καρκα; лтш.
Karkas /ср. Κέρκας; пр. Kercus /; Κάρκισ
/и в Иллирии/: лит. Kārpis; Caucensis; пр. Καικευπε; Κίβερис:
лтш. Κιβερис; Κίκονες; пр. Kickenyn; Κιπίπενε; пр. Kipin; Κόσλα:
лит. Kailiniuk; Κοββινέης; пр. Kessionithen, Cassinen; Costas:
пр. Costus; Cotus; пр. Kath, Kattucke; Κρίβος; пр. Kizna,
Kisey; Κύδαρος; пр. Kudyr лит. Kūdra; -κυρην, -κουργ-
/ср. псид. Κουρους и т.п./: лит. Kuzys; Κυρμάγας:
лит. Kurmine; лтш. Kuimene и под.

2. О возможно! интерпретации некоторых дакийских названий растений.

а/ Usazila 'собачий язык', 'собачка' /Synoglossum/.
Ср. А Graecis dicitur synoglossa... Daci axila lotilia/ usazila
gila usazila/ Itali lingua canina... Псевдоап. 97. Наиболее
авторитетную форму рассматривает /Томашек, Дечев/ как сложение
из usa-/и.-евр. *ukā-: *kākā- 'корова' / и xila /и.-евр.
*ghel- 'зеленый', ср. слав. zelije, лит. žolė, фриг.
ζέλικον и под./; следовательно, usazila - 'коровья
травя /зелень, растение/'. В этом случае фрак. слову соответ-
ствует лит. καρυβζολέ 'Caltha palustris' 'калужница' - в пер-
вом члене семантически /'корова': usa-, καρυβέ /, во втором -
семантически и этимологически *ghel- - 'травя', 'растение'/.
По-русски Caltha palustris называется калужница, желтоголовник
/ср. лит. gel̃tas, прасл. *želtz параллельно *ghel- /
и, наконец, коровий цвет /ср. с.-хорв. кравце, кравџи копен,
кравје корене и под./.

βίΣκάρη, 'Dipsacus fullonum', вид чертополоха, осота, кост-

ры, овесца, связывается с и.-евр. *sker-, но до сих пор оставалось без более конкретных параллелей. Ближайшие из них - лтш. skare, skara 'Haferrispe', skarene 'Rispengras', 'Poal', лит. skarėnis 'порезник' /ср. резать -*sker-l; ср. - к семантике - русские названия растения порезник, черетянка и др.

с /Teúdila 'дикая мята'; учитывая свойства этого растения, вызывающего чихание /ср. лит. pipirmėtė 'почечная мята' и др./, с одной стороны, и и.-евр. *k > фрак. t и далее ts, tz /перед гласными переднего ряда/, с другой стороны, - предлагается обсудить возможность возведения корня этого слова к *skeud-, отраженном как в лит. čiūdėti 'чихать' kisudulys 'чихание'; ср. диал. skiaudėti, тверещк. sciūdėc'; лтш. škaudēt /, так и в лит. čiūdālė 'Achillea ptarmica', čiūdažolė, čiūdžolė, то же, 'Veratrum album'; ср. русск. чихотная трава 'Achillea millefolium', чихотка 'Veratrum album', 'кровавник' /ср. лит. kraujazolė čiūdālė /, 'чемерица'; если бы это предположение оказалось верным, то Teúdila восходит или к *skeud- + суффикс -ila, известный в целом ряде фракийских слов, или к тому же корню в сочетании с -dila, -gila, -zila, обозначающем траву, побег и т.п. /ср. многочисленные примеры подобных вариантов, возводимые к *ghel- или *dhāl-; *dhāl-l. В последнем случае фрак. *skeud- + zil- точно отвечало бы лит. čiūd-zolė; в первом же *skeud- + il - лит. čiūd-ā-l-ė.

д /Amolusta, род ромашки, давно уже сравнивается с алб. amele; ввиду ряда общих черт этого растения с омелой не исключено, что Amolusta может быть сопоставлено с лит. āmalas лтш. amuls, amuls, āmulis, āmulis, прусск. emelno, слав. omela;

оба эти растения имеют особую судьбу в мифологических представлениях, ср. Aster Amellus 'звездная астра' и āmalas 'зарница'. Ср. суффикс -ūsta и в балтийском.

3. Рум. vîezure - 'барсук', алб. vjedhullë - .

Эти слова, представленные многочисленными вариантами /рум. vîezure, îezure, îezune, îezine, žezunë, арум. vêdzură, vîzur, vîzurri, yedzură, yedzărë, dzovur(ă) алб. vjedhullë, vjedhull, vjetull и под./, восходят /вопреки Рейхер: крону/ к *vegʰu-la, производному от *vegʰ-, ср. др.-инд. vahati, авест. vazaiti, лат. veho, др.-греч. ὄχεω, лит. vėžti, слав. vezti и под. /см. Руссу/. В основе такого наименования барсука /как и ряда других животных в разных языках: рак, улитка, черепаха, некоторые насекомые/ лежит указание на характерную походку, обычно неуклюжую, волоочущуюся, медленную. Ближайшие параллели - в лит. vežlys 'черепаха' /ср. šliaužia kaip vežlys 'ползет, как черепаха', vežlioti, vėžlinti 'тащить-ся', 'волочиться', 'ползти', 'неуклюже идти' и под./ при vežlys 'рак', лит. vėzis /ср. iet vėža gaitu /, ср. др.-инд. vāhaka-, вид насекомого; ср. к значению: Улитка едет, воз /дом/ везет /при: Улитка едет, когда-то будет/; русские слова того же корня с -д- в суффиксе /везиленка, возела, возелка, возила, возилка, возило/ сильно отличаются от балканских по смыслу, хотя везти, везтись кое-где еще сохраняют указание на тип походки. Возливый 'суетливый', 'хлопотливый', 'беспорядочный' может указывать на то, как возникло значение 'толпа', 'скопище' в др.-греч. ὄχλος / *uogʰ-l-, ср. ἔχω, ἔχ- /, ср. ὄχεω, ὀλλήρος и т.п. при формах без -λ-: ὄχεω, ἔχω и под.

4. Иллир. Noreia и ее соответствия.

Имя главной богини Норика Noreia, видимо, иллирийского происхождения. Суффикс -eia, распространение этого корня с разными вариантами вокализма Ναρῆνβιοι, Narestini, Νάρων, Ναρῶνα, Nerate, Neritanus, Neritus, Nertilla, Νώραχος и под/, наконец, географические и исторические соображения говорят скорее в пользу иллирийской /чем кельтской/ принадлежности слова, остающегося пока необъясненным. Noreia, несомненно, была богиней плодородия, о чем свидетельствуют некоторые детали, относящиеся к ее почитанию и ее изображению в искусстве /ср. рог изобилия, козел как культовый символ, связь или даже отождествление с Исидой и/или Фортуной в посвященных надписях типа Noreiae Isidi Fortunae!... и под., см. CIL. III, 4809, 4910, 5300 и др./.. Общие соображения и ряд частных говорят о связи этой богини с подземным царством /водой/, ср., например, весло как атрибут Норей /ср. статую из Клагенфурта и под./, противопоставление Юпитеру-небу /ср. Jovi/ optimo/ maximo et Noreiae sanctae CIL. III, 5188/ или даже Марсу [Marti Aug. et Noreiae relig.] CIL. III, 5300; Marti... Victoriae Noreiae. CIL. III, 5193; если отбросить их сходство как военно-победоносных божеств и вспомнить все более набирающую в свою пользу аргументов этимологию: Mars из Māvors 'qui terram vertit' ср. (Terra) ma(ter) и vert(ere) и т.п. В таком случае следует думать о связи Noreia с герм. Nerthus, terra mater /Tacit. Germ. cap. 40/, и ее мужским партнером, морским богом эдлического пантеона Njördr /ср. отражение в скандинавской топонимике следов противопоставления Nerthus: Тур, см. Polomé/; ср. этр. Nortia. Тем самым Noreia

также связывается как с обозначением жизненной, плодородной силы, так и с обозначением низа /земли, воды/. В первом случае ср. др.-инд. и авест. nar -, лит. norėti 'хотеть' (ср. 'желать' в сексуальном плане), naĩsas 'храбрость', слав. *norъ и под., а во втором - др.-инд. naraka- 'дыра', 'подземное царство', nārāh 'воды', др.-греч. νέρτερος, тох. ñare 'infernum', слав. *nora, лит. nerėti 'нырять', nerōvė 'русалка' /ср. Μηρηύς, Μηρηίδες, nāras 'гагара', nārdyti и н.-греч. νερό 'вода' и под. Учитывая частое наличие у мифологических персонажей такого типа соответствующих хтонических животных /ср. в близкой области Мишин ден в связи с днем Св. Петки/, ср. прусск. naricie, ст.-слав. норыць, русск. норица, норец, чеш. norěc, ср. нем. Nertz /ср. Норка, мышка-норушка и пол. в сказках/. Еще интереснее, что у прусов существовала особая группа жрецов, связанных с водой, - Neruttei. Таким образом, использование этого корня в мифологических именах объединяет балтийские территории с средиземноморской зоной, в частности, с Балканами.

5. Proserpina Περσεφόνη и возможные следы балто-славянского имени бога грома.

Яacobсон высказывал предположение о том, что в названии персонажа ритуала вызывания дождя на Балканах скрывается напоминание об имени бога грома и грозы *Per(k)ān. Источник указанных античных имен следует искать, видимо, в догреческом слое Балкан или зап. части М. Азии. Интересно, что лат. Proserpina не сводимо, кажется, целиком к др.-греч. имени. Во всяком случае следует помнить об этр. Phersipnai /CIE 5091/, Phersipnei (гробница Orco), которые могут отражать, как предполагают, *Pzēp-ona > *Pzsepna (> *Ph^zsipnal). Нельзя не обратить внима-

ния на то, что эти формы /или вполне мыслимые формы с другими типами перестановок и расширений/ чрезвычайно близки к именам обшебалканского персонажа, во многих отношениях изофункционального Персефоне-Прозерпине. Ср. с.-хорв. Пропоруше, Прпац, болг. и макед. Пеперуна, Преперуна, Пеперуда, Преперуда, Пепереда, Пеперуга, Преперуга, Пеперунг, Пемперуга, н.-греч. Περπερούνα, рум., арум. Păpăruṅă и др., алб. Ретрегола и т.д. Так, например, Прпоруше < *Pr(s)poris-несьма близко к гадии *Prs(e)p-, *Prs(e)lp-, предполагаемой для классических имен; ср. также иллир. имя нимфы Ретсегнет. Остается вопрос о дальнейшей связи этих имен - с разными вариантами имени бога грозы /Перун и под./ или с глаголом, обозначающим обрызгивание водой, порошение дождем /чеш. pršetí, хетт. pararš-, др.-инд. parś-, тох. pārs-, др.-исл. forś и под., см. Иванов-Топоров, 1965/.

6. Хеттск. Ретца - др.-греч. Ἡρωσ - фрек. Нρωσ -

Хеттское теофорное имя Ретца этимологически связано с именем индоевропейского бога грозы /ср. лит. Ретка́нас, Перун и под./ и в то же время с хеттск. регина'скала'. Вместе с тем Ретца, чье имя засвидетельствовано в староассирийских табличках, был богом, связанным с культом лошади /факт, позволяющий уточнить индоевропейскую принадлежность соответствующей мифологемы: Ретца на коне, а также хронологические рамки ее/. Не исключено, что за образом хеттского бога грозы Тацу /=^{D-Y} ŠKUR в хеттских текстах/, вошедшего в хеттский пантеон, некогда скрывался персонаж с теми же функциями, но индоевропейского происхождения. В таком случае Ретца был бы наиболее правдоподобным кандидатом, вытесненным впоследствии /ср. также появление другого нового наименования для бога грозы - Тархунт /. Поэтому

не исключено предположение, что главным богом, изображенный в галерее Язылык, стоящий на каменной скале и снабженный атрибутом молнии /слева от него стоит солнечная богиня Azina/, некогда мог носить имя Regna. Уместно напомнить, что женская ипостась этого божества, персонафицированная скала Regina родила сына богу Кумарби, и отношения бога грома и Azina'ы засвидетельствованы целым рядом текстов. Мотивы, связываемые в текстах и в изобразительном искусстве с богом грома, и мотив Regna и конь в совокупности весьма сходны с изображениями Нрвса, знаменитого фракийского всадника, широко представленными в вост. части Балкан, особенно во Фракии и Мезии /всадник на коне, каменное возвышение, копьё ил. другое оружие в правой руке и т.д./. Дополнительные мотивы - жертвенник, дерево, часто змея, бычок /бык - атрибут бога грома у хеттов/ и т.п. - вполне укладывается в общую схему мифа о поединке бога грома со змеем /см. Иванов-Топоров/. Мотивы фракийского всадника и соответствующие ритуалы исключительно прочно укоренились на Балканах; втягивая в свой круг новых персонажей /Георгий Победоносец, Федор Тирон, ср. "Тодорика" и т.п./, они удержались на этой территории вплоть до настоящего времени. Помня, что фрако-фригийские племена в вост. углу Балкан появились непосредственно вслед за хеттами, можно предположить, что образ Regna 'ы как конного бога грома /в реконструкции/, поражающего соперника, и образ Нрвса представляются собой варианты одного и того же мифологического персонажа. Можно пойти еще дальше и в виде гипотезы предположить и языковую связь между этими двумя именами. Др.-греч. Ἡρως, как известно,

не имеет вполне надежной этимологии, и большая часть специалистов склонна относить слово к догреческому или не-греческому слову. Существенно, что слово принадлежало некогда, видимо, к основам на -ā /ср. такие формы как эл. Ἐρφαῖος, ἤρωφ-, личн. имя Ἥρωδα и под./ . Как объяснить близость Регца и *Ēcu- - случайным звуковым притяжением, общим происхождением /ср., например, судьбу р- во фригийско-армянских диалектах, ket 'след': πέδου, ср. οἶνον 'нога'/, позволяющим и для Ἥρωφ постулировать в конечной счете *Reṣu-, или каким-либо иным образом, - сказать, конечно трудно. Но исключать а priori возможность общего происхождения не следует /в этом смысле любопытно, что имя жены Зевса, бога грозы, Ἥρα, кипрск. Ἐρα, микен. В-га /?/, ср. женские имена к мужским наиме:ованиям бога грозы в балтийском, древнесеверном и т.д. или Регца:Reguna/. Следует обратить внимание и на то, что богу грозы на высшем уровне /пантеон обычно соответствуют на других уровнях другие персонажи, ср. воитель в эпосе, дух плодородия в текстах весеннего цикла и т.д. Поэтому нельзя пройти мимо таких имен, как Ἥρακλῆης, -κλῆης, с одной стороны, и таких имен, как Ἥριло и под. /ср. предполагаемую этимологическую связь др.-греч. ἤρωφ с и.-евр. *iēg- 'год', ср. Ἥρα /, с другой стороны. Как бы то ни было, содержательное сходство и звуковое подобию имен Регца и Ἥρωφ заслуживает внимания и дальнейших исследований. Вместе с тем интересна сама возможность выявления дальнейших балкано-хеттских связей. Некоторые из них до сих пор остаются не замеченными, хотя относятся к области клише. Ср. начальную формулу в хеттском тексте мифа об Элькунирсе, восходящую к заговорной традиции: "Моим словом я усмирю тебя ḫam-ta ta-ma-aš- /mi/ /, моим веретеном я прожму

тебя /hat/ta/ra- /" при точно совпадающей заключительной формуле румынских заговоров: Te tai cu cuvintu mheu /или cu limba te-am descantat /... cu lusuriele ti-oi strarunge и под.

7. Еще раз о Фрак. Ζάλμοξις.

Фракия была для Греции источником ряда наиболее сокровенных религиозных идей, и ее вклад в этом отношении исключителен /ср. работы Грегуара/. Центральный персонаж фракийской мифологии, насколько она известна, - Залмоксис /ср. исследования Казарова, Клемена, Комана, Пирвана, Руссу, Фристера и др., а также итоговую работу Элиаде/, а две наиболее дебатруемые проблемы - объяснение имени Залмоксиса и отношение его к имени gebeleizis в связи с решением вопроса о тождестве или различии носителей этих имен. Поскольку в самых старых и авторитетных источниках имя выступает в форме Ζάλμοξις /начиная с Геродота - IV, 94-96/, а Lamolxis появляется позже и получает со временем все большее распространение, - приходится усомниться в, казалось бы, эффективной агимологии - из и.-евр. *g'hem-ol-(el) 'земля', ср. лит. žemė, русск. земля, фриг. Zemelb /Семела/ и под. - вплоть до литовского теофорного имени Zemeluks. Вместе с тем и другое объяснение, связывающее это имя с Ζάλμοξ, несмотря на особую символическую роль войлока, остается, - учитывая данные о Залмоксисе, - формальным. В этих условиях прогресс в этимологии зависит исключительно от возможности включения того, что уже известно о Залмоксисе, в более широкий круг типологически сходных фактов /с учетом возможных трансформаций главного персонажа в зависимости от разных уровней/. Суть сообщений о Залмоксисе - в его периодическом нисхождении в подземное жилище, пребывании в нем в течение трехлетнего цикла и появления на четвертый год на землю, - и все это с целью обретения бесс-

мертвя души. Другие источники рисуют Залмоксиса врачевателем, обновителем, открывателем нового цикла. Уже Элиаде сопоставил эти мотивы с известиями о семилетнем пребывании Пифагора в подземном убежище и с шаманскими путешествиями в подземное царство. Здесь можно указать еще на два примера, подробно разобранных в другом месте, — на миф о Телепине, хеттском боге плодородия, исчезнувшем и с большим трудом возвращенном на землю, и данные об Асклепии, боге-врачевателе, оживлявшем мертвых и за это пораженном молнией Зевса /ср. мотив превращения в крота и ухода на землю; Асклепий сам был богом-кротом/, ср. в связи с Залмоксисом пускание стрел в небо во время грозы. Эпидаврский $\theta\acute{o}\lambda\omicron\varsigma$ /или $\theta\upsilon\mu\acute{\epsilon}\lambda\eta$ /, рассматривавшийся как погребение мертвых и жилище бога-воскресителя жизни, был построен как подражание подземному жилищу крота. Атрибуты Асклепия и его связь с Фессалией и Фракией проясняют многие детали. В связи с именем Асклепия Грегуар привел целый ряд названий животных, восходящих к более или менее единому комплексу: 1. $\sigma\acute{\kappa}\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, $\acute{\alpha}\beta\pi\acute{\alpha}\lambda\alpha\varsigma$, $\beta\pi\acute{\alpha}\lambda\alpha\varsigma$, $\beta\kappa\alpha\lambda\omicron\lambda\tau\iota\alpha$ /'взрытая земля'/; 2. $\acute{\alpha}\beta\kappa\acute{\alpha}\lambda\alpha\beta\omicron\varsigma$; 3. $\acute{\alpha}\beta\kappa\acute{\alpha}\lambda\alpha\mu\omicron\varsigma$; 4. $\acute{\alpha}\pi\tau\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\pi\tau\acute{\alpha}\lambda\mu\omicron\varsigma$; 5. др.-евр. 'atalleph и т.д., которые дают основание для реконструкции форм с консонантической структурой типа *t-l-p(l), *sk-l-p(l), *sk-l-m и под. Эти последние могли бы, видимо, быть сопоставлены с хетт. Telepinus ср. Telebinu /ср. также лув. taluppi 'ком', 'глыба'/, средиземноморск. talpone 'крот', ср. лат. talpa и под. /ср. рум. tălpă -лит. /pa/tafà и т.д./, что могло бы найти целесообразное объяснение в свете ностратической теории. В этом контексте напрашивается предположение, что фрак. $\lambda\acute{\alpha}\lambda\mu\omicron\varsigma\iota\varsigma$ и как-то, видимо, связанное с ним набором звуков gebēleizis, могут восходить к тем

ке комплексам, что и вышеуказанные слова. Разумеется, неясны многочисленные детали, и пока доказать эти рассуждения невозможно. Но само указание третьего направления в поисках этимологии этого слова и включение его в совершенно иную перспективу может оправдать сказанное здесь.

К происхождению и взаимовлиянию алфавитов
Балканского п-ова, островов Эгейского моря и Малой Азии.

В настоящее время существует необходимость кардинального пересмотра проблемы происхождения и взаимовлияния греческих, малоазиатских и некоторых других алфавитных письменностей. Отправной теоретической базой в этой работе должны служить исследования И. Гельба, И. М. Дьяконова, А. Шмитта, И. Фридриха по теории и истории письма, практической же базой, — кроме всего известного ранее эпиграфического материала, новейшие, чрезвычайно существенные эпиграфические находки /Запад Малой Азии, Юг Балкан, Север Африки и др. районы/.

Не подлежит сомнению, что алфавитные письменности восходят /непосредственно или опосредствованно/ к семитскому "консонантному" письму /традиционное название "консонантное письмо" не слишком удачно: в действительности каждый знак передавал либо согласный, либо сочетание согласного с гласным, в зависимости от "потребности"/. Неверно, однако, представление о том, что изобретение алфавитного /буквенного/ письма было моментальным актом, основная сущность которого состояла в сознательном преобразовании нескольких знаков северосемитского /финикийского/ консонантного письма в буквы для гласных. Неточен сам термин "изобретение" алфавитного письма. Неточным будет утверждение, что алфавитное письмо изобрели греки. Неверно представление об "однолинейной" направленности при заимствовании письма.

Пока еще плохо изучен новый эпиграфический материал; естественно, его изучение внесет поправки в существующие эпиграфические теории /даже в наиболее обоснованные/. В предварительном

порядке можно сказать следующее.

Большинство малоазийских буквенных письменностей /сидетская, лидийская, карийская, паракарийская, кароидная, лидийская, паралидийская/ восходит к древнему семитскому письму, существовавшему до его разделения на северную и южную ветви /а возможно и сосуществовавшему с этими ответвлениями/. Малоазийцы переняли семитское письмо, совершенно механически приспособив его под записи на своих языках /ср. механическое использование греками линейного письма минойцев, очень неудобного "с точки зрения" греческого языка/. Постепенно, однако, под влиянием языка, это письмо преобразовывалось. В частности, появились знаки для гласных, имевшиеся в "зачаточном" виде уже в семитском письме. Можно говорить о постепенном становлении знаков для гласных как о бессознательном процессе, а не как о моментальном творческом акте /изобретении/. В малоазийских надписях сохранились и консонантные записи /особенно при передаче собственных имен, где такая "детализация", как введение гласных, не ощущалась как острая необходимость; ср. графические варианты карийского имени Меснар: Мспр, Мснар, Меснар/.

Соседние письменности постоянно влияли друг на друга. Иногда это вторичное влияние было столь значительным, что алфавит А почти полностью уподоблялся алфавиту В. Так произошло с греческим письмом, почти полностью уподобившимся северосемитскому, но сохранившим в то же время следы более древнего письма /в частности, следы малоазийского влияния, а также свидетельство того, что в сознании греков уже существовало отчетливое представление о гласных буквах/. Нечто подобное произошло с малоазийскими письменностями, которые к IY в. до н.э. в очень значительной степени уподобились греческим, но а то же время сохранили важные архаизмы /ср. особенно карийские и сидетские алфавиты/. Из греческих алфавитов наиболее архаичны островные /Крит, Фера, Мелос/, несущие на себе

отпечаток значительной близости архаичным алфавитам Малой Азии.¹

Можно констатировать ряд закономерностей, имеющих место при возникновении и развитии новой алфавитной письменности: для главных используются знаки, передававшие в исходном письме "глайды", задние спиранты или носовые сонанты; в случае необходимости один знак расщепляется на два /ср. Λ и Θ в карийском, - знаки для двух различных л-образных звуков, восходящие к архаичной форме семитского ламеда/ и др.².

Новые факты подтверждают известный тезис о малоазийском происхождении этрусского письма.

Открытым остается вопрос о происхождении и сущности тартессийского письма /наиболее вероятным представляется тезис о его генетическом родстве и системном сходстве с малоазийскими буквенными письменностями/.

¹О сложном процессе становления письменности /отсутствии точечной локализации во времени и пространстве/ может свидетельствовать, в частности, следующее: в древнехеттских текстах в начальной позиции весьма регулярно на месте индоевропейских звонких пишутся знаки типа СГ/С/ с начальными С - звонкими, а на месте глухих - с С глухими; с другой стороны, весьма регулярно прослеживаемое правило Стертеванта указывает на другой источник влияния на хеттскую клинопись /письмо с отсутствием различия по звонкости-глухости, но с различием по слабости-силе/: ср. малоазийские письмена, семитские по происхождению, но подверженные сильнейшему влиянию греческого письма.

²Но и случаях подобных преобразований часто удается констатировать их бессознательный характер /ср. монографию А. Шмитта *"Der Buchstabe H im Griechischen"* и др./ . Можно отметить в этой связи, что в подавляющем большинстве случаев для новых букв удается отыскать прототип в репертуаре знаков исходного письма /имеются, впрочем, и неясные случаи: установлено, что кар. Ш передавало у-образный звук, однако эпиграфический генезис этого знака неясен/.

К предьстории древнегреческого глагола

Некоторые глаголы древнегреческого языка отличаются одной своеобразной особенностью: формы активного презенса этих глаголов имеют переходное значение, а формы активного корневого аориста выступают или только как непереходные $\lambda\acute{\iota}\beta\tau\eta\mu\iota$ "я ставлю" - $\acute{\epsilon}\beta\sigma\tau\eta\mu\iota$ "я встал", $\rho\acute{\iota}\psi\omega$ "я вырашиваю" - $\acute{\epsilon}\phi\upsilon\nu$ "я вырос", $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\acute{\iota}\kappa\omega$ "я сокрушаю, разбиваю" - $\acute{\eta}\rho\acute{\iota}\kappa\epsilon$ "/шлем/ сломался", $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\acute{\iota}\tau\omega$ "я обрушиваю, ниспровергаю" - $\acute{\eta}\rho\acute{\iota}\tau\epsilon$ "он свалился, упал"/, или же могут выступать как в переходном, так и в непереходном значении $\lambda\acute{\alpha}\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$ "я прилаживаю, соединяю, связываю" - $\acute{\lambda}\alpha\rho\omega$ "они соединили, укрепили" и "они сомкнулись", $\acute{\alpha}\rho\upsilon\sigma\sigma\omega$ "я поднимаю, возбуждаю" - $\acute{\alpha}\rho\omega\rho\epsilon\nu$ "он побудил /его/" и "дух поднялся", $\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$ "я питаю, вскармливаю" - $\acute{\epsilon}\tau\rho\phi\epsilon$ "он воспитал" и "он вырос"/.

Особенность эта характерна для очень небольшой группы глаголов; системе древнегреческого глагола в целом она совершенно чужда.

Это загадочное явление привлекало к себе внимание исследователей. Обычно в нем усматривали пережиточную черту, отражающую некое архаическое языковое состояние, и на этой основе делали выводы относительно функционально-семантической сферы корневого аориста в отдаленные эпохи развития индоевропейских языков - выводы об изначальной связи корневого аориста с непереходностью или об исконном внеглаголовом значении корневого аориста^{1/}.

1/ См., напр., П. Шантрен, Историческая морфология греческого языка, М., 1953 /Paris, 1947/, стр. 144; H. Kallm, *Oppositions of voice in Greek, Slavic and Baltic*, København, 1969, passim.

Внимательное рассмотрение соответствующего языкового материала обнаруживает, однако, что отклонения от нормы возникли уже на греческой почве и их не следует проецировать в отдаленное индоевропейское прошлое.

У аористов *ἄραρον*, *ἤρυστον*, *ἄρραρον*, *ἔστρασαν* имеются сигматические дублеты, выступающие неизменно в переходном значении. Наличие дублетных форм уже само по себе создает известные предпосылки для дифференциации в плане функционально-семантическом, но осуществилась эта дифференциация только у тех из 25 /приблизительно/ глаголов с дублетными формами аориста, которые имели также активную форму перфекта с интранзитивным значением, противостоящую активной форме презенса со значением транзитивным. Сопоставление фактов убеждает в том, что интранзитивное употребление приведенных форм корневого аориста возникло под влиянием форм перфекта.

У глаголов *ἔστρασαν* и *ῥύω* противопоставление форм презенса и форм корневого аориста в плане транзитивности возникло иным путем - путем изменения значения у форм презенса, первоначально интранзитивного.

Мы полагаем, таким образом, что рассматриваемая нами оппозиция форм презенса и аориста может получить объяснение на основе материалов древнегреческого языка, что вопреки распространенному мнению эта оппозиция не должна служить исходным пунктом для каких-либо выводов о первоначальных отношениях между различными морфологическими типами индоевропейского аориста и категорией транзитивности.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ И ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕБАЛКАНСКИХ ИЗОГЛОСС

1. В группах языков, соединенных длительным контактированием или генетическими связями, часты такие случаи, когда черты, объединяющие или различающие диалекты одного языка, могут одновременно объединять или различать диалекты другого языка и, вместе с тем, по этим же чертам могут объединяться или различаться отдельные языки, входящие в данный языковой союз. Так, например, некоторые фонологические черты, различающие диалекты новогреческого языка, характеризуют вместе с тем целые языки и группы языков, входящих в новобалканский языковой союз (ср. наличие или отсутствие самостоятельного палатального ряда, релевантность корреляции дивезности и др.). Подобные же явления можно предположить и для древнебалканского языкового союза.

2. По рефлексам палатализации шумных согласных древнегреческие диалекты разделяются на четыре группы:

А. Аттический, эвбейский.

В. Ионийский; язык линейного письма В, аркадо-кипрский (и, возможно, памфилийский).

С.Северноэолийский (Десбос, Золида, Трояда; Пеласгиотида); дорийский; западный.

Д. Беотийский, фессалидский; по-видимому, также критский.

3. Критерием для такой классификации послужила судьба налетализовавшихся сочетаний $*\chi_1$ ($*\chi_1$), $*\tau_1$ ($*\tau_1$), $*\tau\phi$ ($*\tau\phi$):

а. В начале слова в группах АД $*\chi_1 \rightarrow \tau$, в группах ВС $*\chi_1 \rightarrow \varsigma$: $\tau\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\omicron\nu$ - $\varsigma\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\omicron\nu$ "сегодня"

в. В середине слова в АД $*\chi_1$, $*\tau\phi \rightarrow -\tau\tau$, в ВС $*\chi_1$, $*\tau\phi \rightarrow -\beta\beta$: $\chi\acute{\iota}\tau\tau\alpha$ - $\chi\acute{\iota}\beta\beta\alpha$ "смола", $\tau\acute{\epsilon}\tau\tau\alpha\rho\iota\varsigma$ - $\tau\acute{\epsilon}\beta\beta\alpha\rho\iota\varsigma$ "четыре".

с. В середине слова в группах АВ $*\tau_1 \rightarrow -\beta$, в группе С $*\tau_1 \rightarrow -\beta\beta$, в группе Д $*\tau_1 \rightarrow -\tau\tau$: $\delta\acute{\eta}\beta\epsilon\omicron\varsigma$ - $\delta\acute{\eta}\beta\epsilon\beta\omicron\varsigma$ - $\delta\acute{\eta}\beta\omicron\tau\tau\omicron\varsigma$ "какой, сколько".

4. В результате этих изменений в диалектах ВС не различаются рефлексы начальных $*\chi_1$: τ_1 , $*\chi_1$: $*\tau\phi$ (в противоположность АД , сохраняющих это различие); во всех диалектах, кроме Д , не различаются рефлексы начальных и средних $*\tau_1$; в АД (в отличие от ВС) различаются рефлексы начальных и средних $*\tau\phi$ (так же, как начальных $*\tau_1$ в сочетаниях $*\tau+\tau_1$ на стыке морфем: $\varsigma\acute{\iota}\beta\beta\omicron$ "почитая, поклоняясь" - $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\tau\tau\alpha$ "пчела"); в АВ (в противоположность СД) различаются средние $*\tau_1$. в пределах одной морфемы и $*\tau+\tau_1$ на стыке морфем ($\delta\acute{\eta}\beta\epsilon\omicron\varsigma$, но $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\tau\tau\alpha$, $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\beta\beta\alpha$).

5. Эти различия можно представить на следующей схеме:

	А	В	С	Д
x_2^-	т-	б-	б-	т-
$\tau_2^-, \tau f^-$	б-	б-	б-	б-
$-\tau_2^-$	б-	б-	бб-	-тт-
$-\tau f^-, -\tau x_2^-, -x_2^-$	-тт-	-бб-	-бб	-тт-
$x_2^-; \tau_2^-, \tau f^-$	+	-	-	+
$\tau_2^-; -\tau_2^-$	-	-	-	+
$\tau_2^-, \tau f^-; -\tau x_2^-, -\tau f^-$	+	-	-	+
$-\tau_2^-; -\tau x_2^-, -\tau f^-, -x_2^-$	+	+	-	-

6. Албанский язык, входящий в Балканский языковой союз, различает рефлекс $*k_2$ и $*t_2$, смыкаться в этом отношении с древнегреческой диалектальной группой А (отчасти в и Д): $*k_2$ дает смычный φ (ср. вт. -тт-), например, $ka\varphi\acute{e}$

"кочержка кукурузного початка" - *Nezuch. κόττη* "голова", но *ti* дает фрикативный *v* (ср. *втт. 6*), например *pyes* "спрашиваю" (ср. *pyet* "спрашиваешь, спрашивает"), ср. также *des* "середина" - *втт. μέσος* "средний".

7. Армянский язык, по-видимому, примыкавший к древне-балканскому языковому союзу, подобно древнегреческим диалектам *С* (*и*, отчасти, *в* и *в'*) не различает рефлексы *к* и *т* : оба сочетания дают в армянском смычный *с* (ср. *бвот. -тт-*), например, *čvet* "ухожу, убегаю" (ср. *втт. τευμάω* "сооружаю", *τευτάζω* "усердно занимаюсь, стараюсь", *ион. βιύω* "гону, отбрасываю"), *vočet* "кричу, реву" (ср. *алб. pyes, pyes* и *v* "(*аро-*) *çektjō* ").

К происхождению микенского греческого wa-na-ka

Согласно новейшим разысканиям, в микенских табличках серии РГ и в табличках, относящихся к Pa-ki-ja-na, термин wa-na-ka обозначает не паря, а бога / вероятно чаще всего Посейдона /, соответственно для прилагательного wa-na-ka-te-ro предполагается исходное значение 'относящийся к богу', 'посвященный богу', см. F.R. Adrados, TE-EM-TA WA-NA-KA-TE-RO y los $\xi\nu\nu\alpha\kappa\tau\omicron\tau\epsilon\lambda\epsilon\beta\tau\alpha\iota$ - "Minos", N.S., I, fasc. 2, Salamanca, 1970, pp. 138-150. Особенно существенным представляется то, что сопоставление микенского словоупотребления с позднейшей греческой традицией, изученной Хембергом / Hamberg, Anax, Anaxaa und Anakes als Götternamen, Uppsala, 1955 /, заставляет предположить отождествление термина $\xi\nu\nu\alpha\kappa\tau\omicron\tau\epsilon\lambda\epsilon\beta\tau\alpha\iota > \xi\nu\nu\alpha\kappa\tau\omicron\tau\epsilon\lambda\epsilon\beta\tau\alpha\iota$ 'хозяин' /обозначение древнейшего городского бога-хозяина, ср. тонкие наблюдения С.Я. Лурье, Языки и культура микенской Греции, М.-Л., 1957, стр. 304 и 213, примеч. 1/, $\xi\nu\nu\alpha\beta\beta\alpha > \xi\nu\nu\alpha\beta\beta\alpha$ 'богиня-владычица' /ср. микенскую форму wana-si / не с каким-либо одним конкретным божеством, а с разными божествами /в том числе с такими нарицательными божествами, как Диоскуры/ в зависимости от характера культа данной местности. Это значение 'бог, божество-покровитель', которое может быть возведено к общегреческому периоду, позволяет окончательно доказать давно уже предположенное Лиденом и Падерсоном, но не нашедшее общего признания родство греч. $\xi\nu\nu\alpha\kappa\tau\omicron\tau\epsilon\lambda\epsilon\beta\tau\alpha\iota$ и тохарского A $\xi\acute{a}t$, р.п. $\xi\acute{a}tes$ 'бог', кучанского /тохарского B/ $\xi\acute{a}te$, р.п. $\xi\acute{a}tentse$. В общетохарском, как и в

общегреческом, это слово могло относиться к разным божествам, что подтверждается архаичными тохарскими словосложениями.

Для добуддийского периода реконструируются такие сложные слова, повлиявшие по гипотезе Винтера на древнегреческий, как обозначения парных божеств: тохарск. А $kop\text{-}\tilde{h}kät$, кучанск. $ka\tilde{sh}\tilde{h}äkte$, $kop\tilde{h}k\tilde{h}kte$ 'солнце-бог' /ср. др.-тюркск. $kün täjri$, где

первый компонент заимствован из тохарского, ср. типологически сходные заимствования другого индоевропейского имени бога Солнца в языках Передней Азии/, тохарск. А $ma\tilde{h}\text{-}\tilde{h}kät$, кучан.

$me\tilde{h}\tilde{h}äkte$ 'месяц-бог' /ср. др.-тюрк. $aj täjri$ /, ср. соположение обоих сложных слов в тексте А 17 в I

$kop\tilde{h}kät\ ma\tilde{h}kät\ uk\tilde{h}ä\tilde{h}$ 'Солнце победило месяц' /ср. соединение обоих слов и в др.-тюрк. $kün aj täjrilär$ /. Архаичны по своей семантике также сложения типа тохарск. А $wa\tilde{st}\tilde{h}\text{-}\tilde{h}kät$

'бог - покровитель дома', $tkam\text{-}\tilde{h}kät$ 'богиня Земля' /ср.

греч. $\tilde{h}\tilde{h}\tilde{h}$ по отношению к Деметре/. Сопоставление с более

поздними сложениями типа кучан. $p\tilde{u}d\text{-}näkte$ 'Будда' позволяет объяснить позднейшим переосмыслением семантику общетохарского

сложного слова, к которому восходит тохарск. А $wlä\tilde{h}kät$ 'Индра', кучан. $ula\tilde{h}k\tilde{h}kte$ /в том числе и в качестве основы

глагола, 296 в 7/ из более древнего 'царь-бог' /с синтагматическим объединением двух значений, парадигматически совмещенных

в греч. $\tilde{h}\tilde{h}\tilde{h}$ 'бог-хозяин, царь'/. Развитие палатализованного *w' /в контексте перед * / > куч. у /см. A.J. Van Windekens.

Etudes de phonétique tokharienne V; VII. -- "Orbis", t. XII, 1963, №2; t. XIV, 1965, № I/ может объяснить не только у = в куч. $yl\text{-}$ < *weh.

'царь', но и начальное *i-* в *-iñakte* во второй части этого сложения /включение *-i-* в первую часть слова не оправдывается соответствием в тохарском А с исходом на *=ā=*/. Это дало бы фонетическое обоснование данной этимологии, так как можно предположить отражение в кучанском в позиции после гласного в середине сложного слова **w(ɣy)*, исчезавшего перед сонорным в начальной позиции /**wñakte > ñakte* /, как в тохарск. А *wäl* 'царь', кучан. *walo, yl-*, основа косвенных падежей *lānt- < *wīlant-*. Следовательно, кучан. *yl-iñakte < *welā-w(e)ñakte* 'царь-бог', где второй член исторически тождествен микен. *wanaka*. Древность кучанского сложного слова огласуется о сохранением ряда исключительных тохаризмов в склонении кучан. *ñakte*: следы старого дв.ч. в *ñakte-ne* 'два бога', В 8^в (Š) б5 /о боге, обитателем в дереве, и его жене, ср. греч. дв. ч. *ἑλίου* 'господа - Диоскуры'/; зват. форма *ñakta* 'боже' в монастырском письме, ср. греч. гом. зват. ф. *ἑὸν ἑλίου*, II 233; возможный след родительного множественного в *ñakteñ-ñakte* 'бог богов'; архаичное производное на **-i-* в притяжательном значении *ñaks(i)uē* 'божественный', тохарск. А *nāksi*. Со стороны значения архаичность общетохарского **welā-weñakte* подтверждается аналогичным употреблением именной основы **uel-* выступающей в качестве имени бога /хозяина царства мертвых и хозяина скота, противника громоведца, имя которого в индийской традиции вытеснено Индрой/ в балтийском и славянском и в сходным мифологических контекстах /словосложениях типа др.-исл. *Val-kutja* / в германском. Для разъяснения семантической

связи 'царя' и 'бога' существенны данные о роли священного царя в Микенах /в этом отношении, как и во многих других, близких к Древнему Востоку, что в связи с анализом данного термина уже отметил Уэбстер/, а также очевидная связь представления о парных божествах и царских детях, носивших этот же титул, по отношению к Диоскурам. Смысловую параллель представляет также развитие семантики хет. ḫaššu- < * ḫn̥su- 'царь', индо-иранск. * asuga- 'повелитель', общегерманск. * anuz 'бог' - первоначально, видимо, со значением типа др.-русск. Родъ, венет. *Louzega*, лат. *Liber* и других сходных индоевропейских божеств, образованных от корней со значением 'рождать', 'расти', ср. хет. ḫaš- 'рождать', ḫaššatar 'род', ḫašša (< * ḫn̥s-) ḫanzašša (< * ḫn̥sə) 'внуки и правнуки'. Судя по тохарскому соответствию и склонению греч. Ζυαξ , род. п. Ζυαχτος в микен. wa-na-ka-te-ro первоначально могли выделяться суффиксы * $\text{t}^* = \text{ero}$ /а не целостный * -tero , но ср. Ζυαχ-ε / с архаическим противопоставительным значением. Если верна реконструкция * wəñakte для кучанского, то возможно сравнение с корнем др.-англ. *wine* 'покровитель, хозяин, друг' /в эпических текстах/ и мифологическими производными от того же корня * wen= /др.-исл. *Vanr*, лат. *Venus* ср. кипр. *Vanasa* = Ζυαββα как титул Афродиты/. В этом случае в греческом отражена ступень редукции корня, связанная присоединением суффикса * (a)k= . Если фриг. *vanaktei* в старофригийской надписи VI в. до н.э. / O. Naas. *Die phrygischen Sprachdenkmäler*, Sofia, 1966, S. 187/ является не греческим заимствованием /ср. практически тождественную форму дат. п. ед.ч.

*wanaktei , реконструируемую для микенского на основе написаний *wa-na-ke-te*, *wa-na-ka-te* /, а исконно родственным фригийским словом /ср. об этих возможностях в связи с анализом данного термина *Е. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes*, 2. Pouvoir, droit, religion, Paris, 1969, p. 24 /, эту изоглоссу следовало бы присоединить к другим тохарско-фригийским общим чертам, указывавшимся ранее.

Проблема названия 'зубра'

в балканских, славянских и балтийских языках

1. Согласно традиционной точке зрения, часто повторявшейся до недавнего времени /ср., например, В. Rosenkranz. Historische Laut- und Formenlehre des Alt bulgarischen, Heidelberg, 1955, S. 16 /, славянское название 'зубра' заимствовано из фракийского. Однако определение формы *ζόμβρος* в качестве фракийской вызывает обоснованные сомнения. Ср. - греч. *ζόμπρος* и *ζοῦμπρος* /отражающее развитие *ǵ > ш /, как показал Капидан в монографии о славянских элементах в армунском/ заимствованы из слав. *zǫbrъ, как и рум. zîbru.

2. Соответствие начального комплекса *st=* в лит. *stūbr̃as* при латыш. *st=*, *v=*, прус. *s=*, слав. *v=* сходно с архаическими отражениями индоевропейского *st= (< *ǵ- по Иллич-Свитычу/ и/или палатальных взрывных в словах типа лит. *stignas*: латышск. *st=*, *v=*: слав. *v=* < *k̃- /последнее отмечено К. Бугой/. Поскольку для всех перечисленных языков общей является фонологическая схема корня названия зубра типа переднеязычный шумный согласный /звонкий в славянском/ + гласный *o/ū* + носовой согласный, вероятным представляется исконное тождество с общекавказским названием 'зубра': осетин. *dombaʒ*, абхаз. *g-dumpej* /*бзыбск. диалект*/, *домбей* /*абхуйок. диалект*/, каб. *dombeʒ*, свян. *dombaj* и т.п., при карач. *dommaj* (см. <mb), на основании которого Н.Ф. Яковлев, Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, М.-Л., 1948, стр. 231 и В.И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.-Л., 1949, стр. 84, высказали предположение о тюркском происхождении этого кавказского

слова, что осталось недоказанным. Связь между всеми формами можно было бы объяснить при допущении древнего индоевропейского источника заимствования с еще не спирантизовавшимся звонким начальным палатальным, близким к $*\hat{d}' < *\hat{g}$ /ср. dh в аяб. dhenb 'зуб' < $*\hat{g}ombos$ и т.п./, позднее испытавшим оглушение в балтийских языках /под возможным воздействием семантически близкого западноиндоевропейского термина с другой структурой основы, отраженной в др.-вост. visundr < $*uis-onto-$, ср. прус. wis-sambri $\dot{z}$, представляющая собой промежуточную форму между германской и литовской/. Наличие общего названия зубра /различающегося только суффиксацией :-ej в западно-кавказском ареале, -гъ в восточно-европейском/ во всех языках этих двух ареалов, где водились зубры, с точки зрения теории лексических заимствований кажется вероятным. Проникновение миграционного термина, общего с кавказскими языками, в балканские языки в данном случае можно связать с промежуточным звеном в виде славянского термина и датировать относительно поздним временем, что может представлять интерес и для сопоставления с некоторыми другими балканско-кавказскими лексическими сходствами, см. о них V. Polák, "Kavkazské" lexikální prvky v starých jazycích balkanických, - "Studia balkanica bohemoslowaca", Brno, 1970, стр. 202-211.

Новые работы по фригийскому языку

- C.Brixhe. Une ouvrage sur la langue phrygienne. "Revue de philologie", T.XLII, fasc.II, 1968, p.306-320. Рец. на О.Хаас. Die phrygische Sprachdenkmäler. Sofia, 1966. Учтены также ново-найденные надписи из Гордиона и Германа/Битиния/.
- R.A.Crossland. The position in the Indo-European language-family of Thracian and Phrygian and their possible closs cognates: some general observations. "L'ethnogenes des peuples balkaniques". Sofia, 1971. Предпринимается попытка возвести фригийский и фракийский к единой диалектной области и.-е. языкового континуума, к которой прилагали также армянский и греческий. Рассматриваются вопросы ареальных отношений этих языков.
- W.Dressler. Рец. на О.Хаас. Die phrygische Sprachdenkmäler. "Die Sprache", V.XIV, N.1, 1968, S.40-50. Детальный критический разбор работы О.Хааса. Обстоятельный анализ фригийской проблемы.
- F.Feydit. Problème de phonétique arméno-phrygienne(?). "Handes Amsoḡya", V.82, N7-9, 1968, S.353-356.
- R.Gusmani. Рец. на О.Хаас. Die phrygische Sprachdenkmäler. "Indogermanische Forschungen", V. 72, N.3, 1967, S.323-328.
- О.Хаас. Neue phrygische Sprachdenkmäler. "Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung", V.83, N.1, 1969, S.70-87. Попытка истолкования старофригийских надписей из Гордиона и Германа.
- О.Хаас. Das Problem der Herkunft der Phryger und ihrer Beziehungen zu den Balkanvölkern. "Acta Antiqua", T.XVIII, fasc.1-2, 1970, S.31-69. Автор защищает от критики основные положения, высказанные им в работе "Die phrygische Sprachdenkmäler".
- Е.Р.Нанр. A Phrygian and Albanian preverb? "Norsk tidsskrift for Sprogvidenskap". V.23, 1969, p.13-14.
- А.Неубек. Рец. на О.Хаас. Die phrygische Sprachdenkmäler. "Gnomon", V.39, N.6, 1969, S.579-583.
- М.Лежеун. Discussions sur l'alphabet phrygien. Studi Micenei ed Egeo-Anatolici (SMEA), fasc.10, Roma, 1969, p.19-47.
- М.Лежеун. Notes paléo-phrygiennes. "Revue des études anciennes". T.71, N3-4, p.283-301.
- М.Лежеун. Les inscriptions de Gordion et l'alphabet phrygien. "Кадмос", V.IX, N.1, 1970, p.51-75. Во всех трех работах подробно исследуется вопрос старофригийского алфавита.

M. Lejeune. A propos de la titulature de Midas. "Athenaeum", NS, Vol. XLVII, 1969, p. 179-193. $\lambda\alpha\upsilon\alpha\tau\alpha\epsilon\iota$ читается $\lambda\alpha\upsilon\alpha\tau\alpha\epsilon\iota$ = греч. $\lambda\alpha\upsilon\alpha\tau\epsilon\tau\alpha\varsigma$, микен. ra.wa.keta . До Лезена такое прочтение предложил С.Я. Лурье в работе "Язык и культура микенской Греции".

G. Neumann. Das phrygische Pronomen $\beta\epsilon\mu\omicron$ - . "Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung" (KZ), B. 84, H. 2, S. 211-215. Предлагается новое объяснение местоимения в плане этимологии и синтаксиса.

V. Pisani. Munera Parva. 1. Phryg. $\lambda\alpha\upsilon\alpha\tau\alpha$ - und Verwandtes. Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für W. Brandenstein. Innsbruck, 1968, S. 123-124. См. выше Лезен/4/.

O. Panagl. $\text{M}\alpha\upsilon\acute{\alpha}$ -eine phrygische Glosse? "Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde". Innsbruck, 1968, S. 119-123. Автор считает эту глоссу греческой, а не фригийской.

O. S. Stang. Phrygisch $\alpha\kappa(\kappa)\alpha\lambda\omicron\varsigma$. "Norsk tidsskrift for Sprogvidenskap". B. 21, 1967, S. 127-132.

M. Ungur, N. Firatlı. Germanos Phryg Kitabesi. Istanbul Arkeoloji Müzesi Yıllığı, N13-14, 1966, стр. 230-236. На стр. 236-241 параллельный текст на английском языке. Надпись из Германа.

R. S. Young. Old Phrygian Inscriptions from Gordion: Toward a History of the Phrygian Alphabet. "Hesperia", Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 38, N2, 1969, p. 252-296. Проблемы старофригийской эпиграфики. Публикация всех подонайденных надписей из Гордиона с попыткой интерпретации.

О г л а в л е н и е

Предисловие	стр. I
И.М.Дьяконов. Место фригийского среди индоевропейских языков	стр. 3
В.П.Нерознак. Современное состояние изучения фригийского языка	стр. 9
Л.А.Гиндин. К реконструкции фракийского	стр.12
В.Н.Топоров. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры	стр.24
В.В.Шеворошкин. К происхождению и взаимовлиянию алфавитов Балканского п-ова, островов Эгейского моря и Малой Азии	стр.39
И.А.Перельмутер. Некоторые вопросы предистории древнегреческого глагола	стр. 42
О.С.Широков. Классификация древнегреческих диалектов и проблема древнебалканских изоглосс	стр. 44
Вяч.Вс.Иванов. К происхождению микенского греческого WA-NA-KA	стр. 48
Вяч.Вс.Иванов. Проблема названия "зубра" в балканских, славянских и балтийских языках	стр. 53
В.П.Нерознак. Новые работы по фригийскому языку	стр. 55

